

А. Л. ВОЛЫНСКИЙ
Два сочинения о Спинозе

I

В последнее время за границей напечатано два новых сочинения о Спинозе — одно под названием *Spinoza's Erkenntnisslehre*¹, другое под названием *La morale de Spinoza*². Первое есть совокупный труд Берендта и Фридендера, второе принадлежит Рене Вормсу, автору некоторых философских сочинений, еще недавно появившихся в печати. Оба названные произведения носят один и тот же характер, не смотря на то, что они трактуют о различных частях метафизической системы Спинозы. И немецкие авторы, и французский писатель одинаково считают философские идеи Этики высшим выражением человеческой мудрости, центром, в котором собрались все лучи человеческого гения. Сочинение немецких авторов посвящено спинозовской теории познания — той части учения голландского философа, в которой заключаются все его сильные и слабые стороны, и то, что придает учению Спинозы черты догматизма, и то, что вдохновенным оборотом мысли, великим напряжением философской диалектики, вырывает систему Спинозы из мертвящей формы пантеистического натурализма и возносит ее на высоту великой моральной доктрины. Сочинение Вормса посвящено по преимуществу морали Спинозы. Это блестящий трактат, на котором лежит печать времени: Спиноза рисуется французскому писателю в свете тех новых чувств и настроений, которые бродят во французской литературе последних дней и которые знаменуют поворот общественного сознания в сторону вопросов, самая постановка которых еще в недавнее время считалась ненужной и бесплодной. Это типическое сочинение, в котором резко выступают все особенности французской манеры мышления. Вормс пишет изящным, легким, увлекательным языком, в котором искреннее философское одушевление перемешано с ораторским красноречием, блестящие и остроумные сближения перевиты великолепными полупоэтическими, полуриторическими фразами, незаметно наполняющими пустые пространства между сближенными предметами. По всей книге рассеяно множество замечаний, в которых виден если не строго логический и сильный ум мыслителя и исследователя, то, во всяком случае, известный философский талант, не столько преодолевающий, сколько обходящий труднейшие метафизические проблемы, легко улавливающие те элементы учения, где философия незаметно переходит в поэзию, где философское доказательство рассчитывает на силу воображения, на подъем сознания, на душевную чуткость человека. Автор прослеживает с большим вниманием все составные части излагаемого им нравственного учения преимущественно по Этике, не давая при этом подробного разбора основных начал пантеизма, тех метафизических положений, на которых, как на фундаменте, воздвиглась вся моральная доктрина Спинозы. В книге Вормса, изобилующей историко-философскими сведениями, почти совсем не развита именно та сторона Этики, которая получила такую всестороннюю разработку в названном труде немецких авторов. Метафизика Спинозы обрисована у Вормса в общих,

Печатается по: *Волынский А. Л. Два сочинения о Спинозе // Северный Вестник. 1892. № 3—4.*

¹ *Spinoza's Erkenntnisslehre in ihrer Beziehung zur modernen Naturwissenschaft und Philosophie. Berlin 1891.*

² *La morale de Spinoza, examen de ses principes et de l'influence qu'elle a exercee dans les temps modernes (ouvrage couronne par l'Institut, Academie de Sciences morales et politiques). Paris, 1892.*

расплывающихся выражениях, без ясного и отчетливого теоретического понимания. Важнейшие пункты метафизических взглядов Спинозы, как они воплотились в Трактате о Боге и человеке (*Tractatus brevis de Deo et homine ejusque valetudine*), Этике, и в некоторых побочных работах философа, не разобраны Вормсом с достаточной полнотой — ни с точки зрения самого Спинозы, ни с какой-нибудь иной, определенной, метафизической точки зрения. Вормс принимает всю терминологию Этики без проверки, не подвергая ее критическому разбору, не сопоставляя ее с общим смыслом системы. Главы, в которых он дает общую оценку этической теории Спинозы и на которых мы остановимся ниже, имеют все достоинства исторической параллели, но вовсе не обнаруживают определенного и окончательно сложившегося философского суждения, определенного и самостоятельного теоретического мирозерцания, дающего критерий для мысли, орудие для убеждения. Заключительные строки сочинения дышат юношеским увлечением, в котором, не смотря на блеск литературного красноречия, не чувствуется глубоких, затаенных волнений сознания, придающих такую величавую красоту и силу всем истинно-философским порывам. Проникнутое восторгом пред Спинозой, оно не дает нам, однако, верного и живого образа великого философа: личность Спинозы, которой Вормс посвящает множество горячих тирад, остается в тени. Философия Спинозы, изображенная вне связи с создавшим ее великим характером — с этой замечательной натурой отважнейшего искателя истины и справедливости — не порождает в читателе полного представления ни о той титанической умственной мощи, которую этот бледный, худой и скромный изгнанник еврейской синагоги вдохнул в свои лучшие произведения, ни об истинном значении тех новых начал, которые внесены были в умственную жизнь Европы одним из лучших и последовательнейших выразителей философского рационализма.

Вот как автор излагает и достоинства, и недостатки разбираемой им системы. Когда хотя бы обсудить какую-нибудь философскую теорию, говорит Вормс, то пытаются обыкновенно подвести ее под определенную, краткую формулу. «Утилитаризм», «теория долга», «теория сочувствия» — таковы различные типы, к которым сводятся, в большинстве случаев, различные моральные учения. Если дана формула, указан тип, философская теория заняла свое место в ряду других учений: существенные ее признаки обозначены, достоинства и недостатки указаны. Одному только Спинозе нельзя отвести никакого определенного положения в историческом ряду метафизических систем. То, что составляет характерную особенность философского мышления Спинозы — это универсальность, всеобнимающая полнота взглядов и положений, примиряющая содержание различных противоположных метафизических систем. Пантеизм Спинозы есть слияние двух учений древности: эпикуреизма и стоицизма. В самом деле, мораль Спинозы, имея своим основанием, подобно эпикуреизму, принцип личного интереса, сохранение собственного бытия, приходит на своей вершине, путем философских умозаключений, к выводам чистого стоицизма, которые представляются нам в двух формулах. С одной стороны, мудрец должен замкнуться в самом себе, искать только тех благ, которые зависят от его собственной воли, развивать в себе одну только способность — интеллигенцию, разум, ценить одну только жизнь — жизнь внутреннего сознания. С другой стороны, признавая физическое единство человека и природы, человека и Бога — ибо стоицизм есть тот же пантеизм — мудрец должен поставить себе целью слияние с миром, любовь к ближним, любовь к Богу. Обе эти формулы стоицизма мы находим в учении Спинозы. Рядом с принципом личного интереса Спиноза проповедует и разумную жизнь в себе и слияние с бесконечной природой. Эпикуреизм и стоицизм дополняют друг друга в этическом трактате Спинозы. Эпикуреизм придает учению философа психологическую ценность: основываться на всеобщем стремлении к личному благу —

значит основываться на жизненно-непоколебимом факте. Стоический идеал внутренней независимости и свободы придает пантеизму Спинозы особенно возвышенный характер: идея слияния с природою, с человечеством, с бесконечностью бросает на учение Спинозы свет кроткого религиозного настроения. Эти три начала, из которых каждое в свое время могло создать успех самостоятельной философской системе, дав ей полное, законченное содержание, оказываются соединенными в одном и том же философском учении, приобретающем, таким образом, характер учения универсального, всеобъемлющего. И замечательно вот что: это соединение различных философских точек зрения в одной и той же метафизической системе не нанесло ущерба ее единству и цельности. У Спинозы эпикуреизм не противоречит стоицизму: принцип личного интереса в Этике — не грубый, животный принцип Гоббса и Ламетри, но принцип чисто метафизический. Сохранение личного бытия имеет здесь глубокий философский смысл: модус Божества, человек необходимо стремится к самосохранению, к сохранению и развитию в себе вечных и божественных сил. Обе формулы стоицизма сливаются у Спинозы в одно логическое целое: соединиться с людьми, с Богом не значит потерять свою независимую индивидуальность, а напротив — это значит обогатить свою личность, увеличить объем своего понимания, расширить свое сознание идеями бесконечного и Божества. Разум является, таким образом, соединительным звеном между личным интересом и любовью, между частью и целым, между человеком и миром.

Вормс идет еще дальше. Система Спинозы не только счастливое сочетание эпикуреизма с стоицизмом, но и философское средоточие всех нравственных принципов человечества. Все исторически известные системы морали уравниваются в системе Спинозы. Все течения нравственной мысли соединились в одном философском учении, потеряв каждое в отдельности свои характерные очертания и, так сказать, восприняв свойства и колорит более широкого и более глубокого философского мировоззрения: различные потоки сбежались в одном спокойном, безбрежном море... Желания человека, говорит Вормс, могут иметь тройное направление. Человек любит себя самого, себе подобных, бесконечность или Бога. Задача морали — соединить эти три формы любви и расположить их в надлежащей последовательности. Система Спинозы выполняет эту задачу: она провозглашает единство всех конечных существ на лоне бесконечного. Она уничтожает пропасть между тремя различными наклонностями человека: истинно любить себя значит любить свою непреходящую, сущность, любить себя, как модус Божества. Истинно любить себя значит любить Бога, а любить Бога — это значит любить все, что произведено Богом, все живые и не живые существа. Спиноза следует методу Декарта: личное я, Бог, мир — таков достоверный и научный ход мысли. Философ-пантеист, чтобы доказать необходимость нравственного альтруизма, отправляется от любви к самому себе: любовь к себе переходит в любовь к Богу, любовь к Богу вызывает любовь к человечеству. Бог связует человека с человечеством.

Таковы достоинства морального учения Спинозы. Это не только глубокое, но и широкое философское учение: оно доводит каждое положение до последних заключений, оно проникает в сокровеннейшие источники человеческих действий, оно охватывает в одном смелом и высоком метафизическом обобщении все направления человеческого сознания, все волнения человеческой души, — охватывает и сжимает в одну стройную философскую теорию, где психологический анализ, бесстрашно проведенный по всем глубинам и изгибам человеческого характера, говорит свое, можно сказать, последнее слово в таких ясных, точных, математически спокойных выражениях, которыми философия до Спинозы никогда еще не говорила. И если знание, даже узкое, даже одностороннее, имеет способность облагораживать

человеческую душу, то такое знание, как знание Спинозы, такое философское учение, как учение Спинозы, должно дать не узкое благородство человека науки, а высочайшее благородство, высочайшее совершенство всеобнимающего и всепостигающего мудреца и мыслителя.

В таких приблизительно выражениях Вормс объясняет нам великое значение философии Спинозы. Исторические справки дают французскому писателю яркие краски, в которых учение Спинозы, освобожденное от своей схоластической формы, вырванное из цепей математических теорем, доказательств, многочисленных короллариев, приобретает общедоступный, несколько профанный, но поэтически привлекательный характер. Не докопавшись до теоретических основ мировоззрения Спинозы, не вскрывши тех корней, из которых выросло это оригинальное метафизическое учение, не проникнув критическим взглядом в творческий принцип философского пантеизма вообще, Вормс и самый анализ чисто моральных положений Спинозы производит поверхностно, шаблонно, по готовым историческим формулам, а не по твердым, незыблемым, логически философским критериям. Книга французского писателя не обличает того живого, независимого и бесстрашного искания истины, каким проникнуты все философские сочинения самого Спинозы и каким должно быть проникнуто всякое философское сочинение, претендующее на самостоятельность и более или менее серьезное научное значение. Это не научно-философское отношение к изучаемому предмету, а отношение эстетически-дилетантское, в котором элемент безотчетности и бессознательности, восторженное удивление к внешним совершенствам и архитектурным красотам занимает самое выдающееся место.

Цельная, величавая система Спинозы высится пред нами во всем обаянии и блеске чудной философской постройки, в которой знание человеческой души, волнения фантазии, широкий размах свободного человеческого разума, действуя совместно и согласно, наложили свою бессмертную печать на все мельчайшие подробности, на все детали мысли. Этот чахоточный человек с лихорадочно горящими глазами, с тихой, бесшумной походкой, упорно сосредоточенным выражением в смуглом, продолговатом лице, проклятый при жизни еврейской синагогой и отверженный своими знаменитыми современниками, обладал величайшими умственными силами. Из своего небольшого и бедного рабочего кабинета Спиноза видел мир во всей его бесконечности. В этом худом и физически непрочном человеке таилась такая творческая энергия, такая мощь понимания, пред которой отступали все затруднения научной мысли и как бы рассеивались все загадки мироздания. Но в этой великой силе сознания, раскидавшей столько светлых истин в различных направлениях философии и психологии, крылся один великий недостаток: яркое внутреннее созерцание превращает в живые галлюцинации, как бы живые, внешние предметы весь мир, создавшийся в душе, все отвлеченнейшие идеи разума, все образы фантазии. Великий мыслитель с таким вдохновенным созерцанием, как Спиноза, видит воплощение своей мечты, выражение своего философского представления повсюду, во всей окружающей его природе: мир внутренний, выведенный наружу необычайной и непреодолимой силой воображения, наполняет пространство бесконечными образами собственного творчества и как бы вдыхает собственную, сознательно-жизненную силу во внешнюю бездушную среду. Творческое воображение при теоретическом уме, вдохновляемом вопросами смысла и цели человеческой жизни, но не очищенном в строгой школе критической теории познания, неизбежно приводит к философскому пантеизму. В натуралистическом пантеизме Спинозы черты благороднейшего поэтического вымысла постоянно мелькают на общем фоне строгого математического рассуждения, приближая труднейшую из философских систем к среднему человеческому пониманию с его потребностями в конкретных образах, с его склонностью хвататься за иллюзию, за

всякий возвышающий душу обман. Догматическое отношение к реальному и идеальному — коренной недостаток философской системы Спинозы, и этот недостаток, не смотря на стройное поэтическое выражение всей системы, подрывает фундамент философского мирозерцания Спинозы. Вершина великолепной философской постройки, облитая ярким светом великого гения, неудержимо обрушится, как только будет поколеблено основание этой постройки, как только будут расшатаны ее коренные определения, атомы и теоремы. Высшие положения морали, которые мы находим в пятой части Этики, должны распасться, если будут опровергнуты те первые истины, от которых отправляется Спиноза, если будут дознаны важнейшие ошибки его теории познания. Критическая философия, устанавливающая неподвижные разграничительные линии между иллюзией и действительностью, между реальным и оптическим обманом, произнесет свое осуждающее слово над главнейшими положениями, над всей метафизической системой Спинозы.

Вормс не обследовал теоретических ошибок Этики и потому он не видит, что, не смотря на ее терминологию, она не заключает в себе истинно-мистического элемента. Писатель современности, не отрешившейся от идолопоклоннических привычек отживающего догматизма, но в то же время увлеченный безотчетным и поэтическим исканием веры, хватается за слова и выражения, в которые философ вложил совершенно условный смысл и особенное содержание. В последовательно-развитой системе пантеизма не может быть настоящего мистического элемента, если только мистицизм разумного сознания, доведенного до крайних своих пределов и всецело ушедшего на искание реального начала жизни, не смешивать с фальшивым, дилетантски-поэтическим мистицизмом, предпочитающим иллюзию природы — истине, галлюцинацию воображения — философской правде. В чересчур коротенькой главе, обзоревающей все недостатки философского учения Спинозы, теоретический дилетантизм Вормса выступает с необычайной рельефностью. Не сделав никакой критики основных теоретических положений Спинозы и оговорившись только относительно вопроса о бессмертии, которому посвящено в книге несколько незначительных страниц, Вормс в немногих характерных словах, с чисто-французской легкостью проскользнув мимо настоящих трудностей предмета, в плавных, красноречивых фразах устремляется прямо к двум единственным недостаткам Этики. Спиноза — говорит он — сумев связать труднейшие идеи и понятия, не сумел, однако, увидеть в человеке ничего, кроме разума. Его доктрина, поскольку она рационалистична, очень широка, но поскольку она есть знание человека, заключает в себе два существенных пробела. Спиноза забыл два главнейших фактора моральной жизни — чувство и свободу. Философ отождествляет чувство с разумом: разнообразные чувства и страсти являются у него только различными состояниями сознания, то менее, то более ясного и отчетливого. В учении Этики верховное начало человека — разум, а не чувство, как в учении Паскаля. Есть одно только восприятие — интеллектуальное, одна только любовь — разумная. Хотя высшим родом познания Спиноза считает познание чисто интуитивное, однако он и этому роду познания придает исключительно рассудочный характер. Нигде в Этике, мы не найдем того непосредственного порыва к божественному (*élan irréflecti*), который мы находим в знаменитых *Pensées* Паскаля. Познание Бога и любовь к Богу, о которых говорится в Этике, основаны на эгоистическом расчете и являются искусственным средством для успокоения души, ищущей безусловного блага. «Мораль Спинозы есть безостановочный расчет, и если Спиноза иногда и старается говорить о божественной любви в тоне бескорыстного моралиста, то этим самым он уже изменяет своему основному принципу и логике всей своей системы» (стр. 177). Вопрос о морали

сводится для Спинозы к вопросу о наибольшем количестве возможного блага, тогда как для чистого моралиста с вопросом о благе связано исключительно качественное представление. Придавая понятию блага только условное значение, Спиноза не знает того, что может быть названо «нравственным порядком»: Этика имеет дело не с истинным моральным благом, но с благом психологическими. «Без сомнения, говорит Вормс, анализ нравственного чувства у Спинозы есть анализ чисто научный, но тот, кто слишком анализирует, рискует разрушить самую мораль. Быть может вера человека в добродетель, в долг, в идеал, в безусловную бескорыстную мораль есть не более как химера, но это, бесспорно, химера великодушная, разрушая которую, нельзя не нанести удара всему человечеству» (стр. 178).

Таков первый пробел в системе Спинозы.

Второй и самый главный пробел есть отрицание свободы. Наука игнорирует свободу воли, но мораль должна ее непременно допустить. Говоря о свободе, Спиноза понимает известное состояние души, а именно наиболее совершенное ее состояние, тогда как свобода воли есть не готовое состояние, но необходимое орудие человеческого совершенства. Отрицая свободу воли, Спиноза — говорит Вормс — обрекает свою систему на бесплодность: предписывая человеку известные правила поведения, он в то же время отнимает у него то единственное средство, которое дает возможность осуществить эти правила. Правда, Спиноза признает в человеке способность, следуя велениям разума и непрерывно совершенствуя свои понятия, постоянно стремиться к определенному благу и достигать его. Правда, метод достижения блага, указываемый Спинозой — развитие и совершенствование понятий — имеет высокие научные достоинства, но разве это все, что можно требовать от настоящего моралиста? Как! восклицает Вормс, только потому, что мы желаем нашего блага, мы достигаем его? Как! Мы необходимо достигнем свободы только потому, что она присуща нашей внутренней жизни. Но человек зависит не только от самого себя: он зависит от всех окружающих его предметов и подчинен законам бесконечного мира, природы, модус которой он составляет... Детерминизм Спинозы низводит человека на степень какого-то бездушного существа — растения или камня, и в этом заключается крупный недостаток всего учения философа.

Более неудачного разбора системы Спинозы нельзя себе представить. Во первых, эти странные критические замечания Вормса противоречат всему тому, что им же сказано о великих достоинствах учения Спинозы. Если Этика есть выражение высшей человеческой мудрости, если Спиноза сумел примирить все течения философского сознания, если он проводит, как сказано выше, духовное сознание человека по всем трем ступеням нравственного развития — от любви к самому себе до любви к Богу, то, спрашивается, каким образом могло вдруг оказаться, что это всеобнимающее учение включает в себе такие существенные недостатки, из-за которых приходится отказать Спинозе в свойствах истинного моралиста? Если Мысли Паскаля, по сравнению с Этикой, включают в себе более возвышенный и сильный подъем настроения, если Этика, чтобы быть верной своим теоретическим основаниям, должна игнорировать некоторые существенные стороны человеческой души, то в таком случае приходится выбирать между метафизикой Спинозы и метафизикой Паскаля. Если мораль Паскаля логичнее морали Спинозы, то безусловно необходимо признать, что и вся теоретическая, чисто философская постройка Паскаля вернее и прочнее теоретической и философской постройки Спинозы.

Во-вторых, что понимает Вормс, говоря, что Спиноза упускает из виду такую важную способность, как способность чувства? Какую самостоятельную роль чувство могло бы играть в системе Спинозы и какова вообще функция чувства в психической жизни человека? В разбираемой книге мы на эти вопросы не находим никакого ответа.

В трех частях *Этики* (*De origine et natura affectuum, De servitute humana, De potentia intellectus*) Спиноза дал нам замечательнейший психологический разбор — с беспримерною, исчерпывающею полнотою — всех чувств и аффектов, с их различными психологическими вариациями, с их нежнейшими и разнообразнейшими оттенками. Это колоссальный памятник такого истинно-гениального понимания механизма душевных страстей, которому нет ничего равного во всей психологической литературе вплоть до наших дней, не смотря даже на такие капитальные труды, как *Analysis of the phenomena of the human mind* (т. II) Джемса Милля, как *Lectures on the philosophy of the mind* (т. III) Томаса Брауна, как *The emotions and the will* Александра Бэна. Что же, в таком случае, надо понимать под словами Вормса, что Спиноза забыл о человеческом чувстве? Очевидно автор хочет сказать, как об этом можно судить по нескольким отрывочным и неясным словам его, что в системе Спинозы чувство не имеет того *valore conoscitivo*, того познавательного значения, какое он желал бы ему приписать. Однако в системе Спинозы есть один высший род познания — *scientia intuitiva*, обладающий именно тою непосредственностью, которая составляет главную особенность чувства. Если математически расчленяющий и анализирующий рассудок не способен уловить высших истин религии, то *scientia intuitiva* имеет своей единственной функцией схватывать сущность вещей и свойства Божества³. Ту роль, которую Вормс без всяких логических доказательств хотел бы приписать чувству, Спиноза приписывает интуиции, гению, познавательному таланту. Этот пункт учения Спинозы получил, как мы увидим в следующей статье, полную и всестороннюю разработку в сочинении Берендта и Фридлендера. Немецкие авторы придали третьему роду познания, быть может, слишком широкое значение, на что уже, между прочим, указано в критической заметке Сорлея, в январской книге английского философского журнала «*Mind*», но несомненно однако, что *scientia intuitiva* восполняет в системе Спинозы именно тот пробел, которым удручается французский автор, если только в словах его о роли чувства в человеческой жизни заключается хоть какой-нибудь философский смысл. Именно *scientia intuitiva* вносит в систему Спинозы тот художественно-артистический элемент, который, существуя в душе человеческой, не должен быть обойден в философском учении, имеющем целью объять всего человека и, так сказать, измерить вглубь и в высоту всю его познавательную силу. Конечно, *scientia intuitiva* не есть чувство, которого во чтобы то ни стало нужно Вормсу, но пока не доказано просто и логически, что чувством можно познавать сверхчувственное и что вообще какая-нибудь познавательная способность должна называться чувством, до тех пор слова Вормса о первом коренном недостатке учения Спинозы не будут иметь никакого теоретического значения. При той теории познания, которой держится Спиноза и которая по вопросу о роли чувства в человеческой природе предвосхитила лучшие из современных европейских работ в области психологии, рассматривать чувство с иной какой-нибудь точки зрения, чем это делается в *Этике*, значило бы внести противоречие в основные положения натуралистического пантеизма, возведенного в строго логическую систему, без всякого романтического самообмана, без всяких поверхностных, мишурно-поэтических прикрас. Вормс типичный выученик современности — того современного философского дилетантизма, которому нужна правда без слов, чувство без причины, энтузиазм без предмета и цели, того

³ *Ethics pars II, propos. XL, schol. 2. Praeter hoc duo cognitionis genera datur, ut in sequentibus ostendam, aliud tertium, quod Scientiam Intuitivam vocabimus. Atque hoc cognoscendi genus procedit ab adaequata idea essentiae formalis quorundam Dei attributorum ad adaequatam cognitionem essentiae rerum.* (Кроме двух указанных родов познания, есть, как мы укажем ниже, еще третий род, который мы будем называть интуитивным знанием. Этот род познания отправляется от адекватной идеи формальной сущности какого-нибудь атрибута Божества к адекватному познанию сущности вещей.)

философского дилетантизма, который не ищет истины и не знает восторгов светлого и ясного понимания.

Второй недостаток системы Спинозы, указываемый Вормсом — детерминизм. Спиноза поставил высокий нравственный идеал, но уничтожил то единственное средство, которое дает возможность воплотить его. Отсутствие свободы воли есть пробел в системе Спинозы. Если соображения Вормса о чувстве обличают ум более или менее профанный, то его риторические фразы по поводу детерминизма обличают ум, путающийся в противоречиях и неспособный к систематическому мышлению. Приняв теоретические посылки Спинозы, странно не принять и тех заключений, которые из них неизбежно вытекают, и видеть пробел там, где есть одна только строгая логическая последовательность. В метафизике Спинозы действительно есть пробелы, но этих пробелов Вормс, по-видимому, не замечает. В Этике не указан переход от конечного к бесконечному, не определено отношение между модусом и субстанцией, не выражена с достаточной ясностью природа атрибутов, — и эти пробелы имеют слишком важное и решающее значение, чтобы обходить их даже в сочинении о моральных взглядах Спинозы. Речь идет о теоретических основаниях нравственного учения. Речь идет о логике, о доказательствах, о том, что дает силу нравственному убеждению. Речь идет о душе, философии — о верных посылах, о правильном, методическом мышлении, о теоретической истине. В эту сторону предмета Вормс и не заглядывает. Слово свобода звучит так громко! Философскому романтизму нужны яркие краски, а что может быть ярче патетических протестов против науки, против холодного разума, когда приходится отстаивать великое значение познания чувством сверхчувственного, поэтическую прелесть пустых, но беспредельных пространств. Можно было сказать, что детерминизм Спинозы должен быть введен в более узкую и в более определенную рамку, но требовать от пантеистического философа, отрицавшего самостоятельность духовного начала, всю жизнь боровшегося за механическую точку зрения, чтобы он воспринял в свою систему принцип свободной воли, значит требовать заведомо невозможного. Пределы детерминизма указаны Кантом и в докритическую эпоху истории философия о таком сочетании начала необходимости с началом свободы, какое сделано в Критике чистого разума, не могло быть и речи: нужно было, чтобы философия оставила старые догматические пути, чтобы она пережила смелую радикальную операцию Канта, нужно было раньше провести, как уже сказано выше, резкую разграничительную линию между реальным и эмпирическим, объективным и субъективным, действительностью и галлюцинацией.

Итак, мы видим, что Вормс не разобрался теоретически ни в достоинствах, ни в недостатках системы Спинозы. То, что он называет пробелами в системе, должно быть совершенно выкинуто из расчета при историко-философской оценке Спинозы, то, что он считает величайшим достоинством системы — всеобъемлющая ширина мирозерцания — подрывается, как мы видели, им самим в дальнейших рассуждениях. Настоящие заслуги Спинозы не обрисованы с достаточной сознательностью и как бы несколько расплылись в тумане возвышенных фраз, в неопределенности душевных запросов.

II

Книга Вормса состоит из двух частей. Первая посвящена критическому изложению морали Спинозы (*Exposé critique de la morale de Spinoza*), вторая — влиянию Спинозы на дальнейшую историю философии (*L'Influence exercée par la morale de Spinoza*). Мы видели, каким образом Вормс справляется с первой своей задачей и нам следует сказать теперь несколько слов о второй части его труда.

В этой части Вормс как бы забывает об указанных им недостатках Этики. Во всем его историческом изложении господствует его первоначальный взгляд на Спинозу: все философские системы оказываются более или менее совершенными в зависимости от того, насколько близко они стоят к учению Спинозы. Вормс делает превосходное сближение между учением Спинозы и другими, самыми разнообразными философскими учениями, преимущественно на почве морали, забывая при этом, что, при различии теоретической постановки, сходство в нравственных взглядах не может иметь серьезного научного значения. Все изложение в этой части труда ведется так, как будто Спиноза единственный мыслитель, давший направление всей новейшей философии. Это исторический очерк, сделанный под южным углом зрения. Во главе новой философии стоит не Спиноза, а Декарт, и не от Спинозы, а от Декарта пошла та волна, которая в Канте преодолевает все препятствия и затем продолжает свое течение в том же направлении, но с постоянно слабеющими силами.

В небольшом исследовании Шопенгауэра *Skizze einer Geschichte der Lehre vom Idealen und Realen*⁴ с необычайной ясностью и под истинно философским углом зрения прослеживается все учение об эмпирическом и реальном, причем место Спинозы в ряду других мыслителей определено, как нам кажется, раз навсегда. Декарт по справедливости, говорит Шопенгауэр, считается отцом новейшей философии. Он первый указал проблему, около которой, как около своей оси, вращается философия последних двух столетий. Проблема эта — вопрос о том, что в нашем познании объективно и что субъективно. Ни философы древности, ни схоластики не имели ясного представления об этой главнейшей философской проблеме: проблема эта остается типическою темою новейшей философии, после того как в Декарте возникла совершенно ясная мысль, что человек прежде всего ограничен пределами своего собственного сознания и что мир дан нам только, как представление. *Cogito ergo sum* — этими словами Декарт оттеняет достоверность субъективного сознания в противоположность загадочности всего прочего, высказывая при этом ту великую истину, что самосознание обладает прямою и непосредственною достоверностью. «Взвешивая правильно, надо сказать, говорит Шопенгауэр, что знаменитое положение Декарта равносильно тому, от которого отправляюсь я: мир есть мое представление. Единственная разница та, что его положение выставляет на первый план непосредственность субъекта, а мое — посредственность (*Mittelbarkeit*) объекта. Оба положения выражают одну и ту же мысль с двух обратных сторон». Таким образом Декарт открыл ту бездну, которая лежит между субъективным и объективным, между эмпирическим и реальным. Он облек свое открытие в форму философского сомнения относительно существования внешнего мира, но затем разрешил это сомнение в духе самого произвольного догматизма. Великая задача оказалась неразрешенной, но вопрос о субъективном и объективном уже не мог больше заглухнуть. Раз брошенное в ум сомнение должно было тревожить мысль до тех пор, пока не найдено было полное, удовлетворительное разрешение его. В своих Исканиях истины (*Recherches de la vérité, livre 3, seconde partie*) Мальбранш охватил великую проблему яснее и глубже, чем Декарт. Декарт допускает реальность внешнего мира, веря в то, что Божество не внесло обмана в наше познание. Мальбранш, ступив дальше, видит все предметы сквозь призму Божества: Божество — единственно реальное действующее начало. Мальбранш один является творцом всего того хода мыслей, которым Спиноза и Лейбниц воспользовались каждый на свой лад. Но Лейбниц уже оставил тот основной факт, что мир дан нам только в виде представления, чтобы на место этого основного факта поставить догму о двух мирах — телесном и духовном, между которыми нельзя перебросить никакого моста.

⁴ *Parerga und Paralipomena*. Leipzig, 1888, funfter Band.

Спиноза отождествляет внутренний и внешний мир, мысль и протяжение в единой субстанции. Дух и тело — модусы Божества, природа которого едина и нераздельна. «Субстанция мыслящая и субстанция протяженная — одна и та же субстанция, которая понимается то под этим то под другим атрибутом, а, следовательно, модус протяжения и идея этого модуса [душа] одна и та же вещь, двумя различными способами выраженная»⁵. Но, замечает Шопенгауэр, из того, что различие между духом и телом, между мыслящим и протяженным неосновательно, еще не следует, что так же неосновательно различие между нашим представлением и тем, что вне его, что обладает безусловной, от нас независящей реальностью. «Пусть представляющее и представляемое — одно и то же, однако остается вопрос, можно ли от представлений, роящихся в моей голове, с достоверностью заключить о бытии различных, независимых от меня, самостоятельных существ»⁶. Отвергнув различие между субстанцией мыслящей и субстанцией протяженной, Спиноза не решает основной задачи философии. Ошибка его заключается в том, что он неверно направил разграничительную линию между субъективным и объективным. Спиноза остается все время в области призрачных явлений, которые он догматически принимает за нечто действительно и объективно реальное. Сказав, что сознание и протяжение одно и то же, Спиноза ни на шаг не приближается к разрешению проблемы, поставленной Декартом. Разграничительная линия проходит у него между различными элементами сознания, но не ложится там, где кончается область представлений и начинается истинная действительность. Не смотря на некоторые проблески критического идеализма, предвещающие будущие победы философии, Спиноза весь еще стоит на почве грубого догматизма, не будучи в силах вырваться из бесконечного ряда ошибочно построенных умозаключений.

Обозначив бессмертные заслуги Канта в области этого вопроса, изложив в немногих словах взгляды английских философов — Беркли, Локка, Юма — Шопенгауэр не без гордости указывает на свои заслуги по разрешению этой труднейшей философской проблемы. «Я сосредоточил, говорит он, мою мысль на том, что если абсолютно-реальное никогда не может быть дано нам извне, на пути представления, то, стало быть, познание реального — так как мы сами все-таки реальны — следует каким-нибудь образом почерпнуть из внутренних недр нашего собственного существа». Шопенгауэр проводит разграничительную линию, верный критическим и метафизическим элементам философии Канта, — т. е. таким образом, что весь внешний, чувственный мир, с протяжением Спинозы и материей Локка, уходит в область иллюзий, фантазмагорий воображения, а внутренний мир нравственной свободы выступает во всей своей реальности. «От этого, говорит Шопенгауэр, у меня этика непосредственно и прочно перевязывается с метафизикой и все моральное значение мира и бытия устанавливается незыблеме, чем когда-либо. Только воля и представление различны в основе, ибо они составляют последнее, фундаментальное противоположение во всех вещах мира. Представляемая вещь и представление — одно и то же, но только представляемая вещь, а не вещь сама в себе: эта последняя есть всегда воля, в каком бы образе она ни рисовалась нашему представлению»⁷.

Вот как должна писаться настоящая история философии. На этом небольшом историческом очерке Шопенгауэра, несмотря на пристрастный тон, на многочисленный несправедливые выходки против различных философских деятелей, лежит печать истинного гения. История философии должна быть прежде всего историей различного

⁵ Eth., pars II, prop. VII scholium.

⁶ Parerga und Paralipomena. S. 9.

⁷ Ibid. S. 21.

понимания того, что действительно реально и что реально только в эмпирическом смысле. Иная история философии, по крайней мере со времени Декарта, будет бесплодным и бесцельным блужданием в бесконечном лабиринте теоретических рассуждений, без определенного критерия, без руководящей звезды.

Таким именно бесплодным и бесцельным блужданием представляются нам все эти блестящие, но поверхностный сближения во второй части труда Вормса, которые должны были иметь такой успех во Франции — в этой классической стране литературного красноречия и философских парадоксов. Вормс нашел Спинозизм рассеянным по всей вселенной. Если, говорит он, мы захотим обнять одним синтетическим взглядом все влияние Спинозизма, мы будем поражены изумительным распространением идей Этики в нашу эпоху. Они проникли не только во Францию, Германию и Англию, но даже в Америку и Россию. Они распространились не только среди специалистов философов, но и в широком мире ученых и художников. А современная поэзия — разве она не носит на себе черты явного пантеизма? Не имеет ли своей целью романтизм Германии, Франции и Англии восстановить и оживить культ природы? И далее, в наши дни, не видим ли мы у современных поэтов — у Леконта де Лиля, например — стремления не только продолжить, но еще усилить пантеистический идеал? Правда, все эти поэты игнорируют самого Спинозу, но за то этот великий философ читается и по достоинству оценивается людьми науки, от Иоанна Миллера до Вундта, Тэна, Льюиса и всех многочисленных физиологов и психологов экспериментальной школы. Не видим ли мы, что два таких ученых, как Спенсер и Ренан, не смотря на различие философских тенденций, одинаково преклоняются перед гением Спинозы, один — отчасти воспроизводя его учение, другой — осыпая его память цветами изысканнейшего красноречия?

Однако, замечает Вормс, в торжественной, всемирной реставрации пантеизма одна сторона учения Спинозы осталась позабытою — именно его мораль. Пережили аксессуарные части его сочинений — его психология, его метафизика, мораль же его осталась без влияния. Учение Спинозы о природе и о Боге восторжествовало, но учение его о счастье и благе погибло. В каком состоянии находятся теперь моральные взгляды Европы? С одной стороны — утилитаризм, претендующий на независимость не только от какой бы то ни было религии, но и от метафизики, с другой стороны — смешанная теория морали из кантизма и христианства, взывающая и к метафизике, и к религии и чуждая принципу личного расчета. А между тем теория Спинозы могла бы примирить эти различные системы и тем прекратить старый спор эпикуреизма и стоицизма в их новых формах⁸.

Общими фразами о всемирном распространении философии Спинозы, и даже отдельными сближениями и сопоставлениями этой философии с различными системами современности, нельзя, конечно, доказать, что Этика имела и имеет такое универсальное значение. Во-первых, между пантеизмом Спинозы и пантеизмом наших дней — глубокая разница, и мы полагаем, что в современной Европе нигде не найдется такой философской системы, в которой был бы проведен взгляд Спинозы на Бога, природу и человека. Пантеизм имеет много вариантов и оттенков, и не всякий пантеизм может быть приравнен к такому серьезному и систематическому учению, как учение Этики. Во-вторых, если и допустить, что натуралистический пантеизм есть распространеннейшее явление в современном культурном мире, пережившем величайшие философские учения Канта и Фихте, обладающем сочинениями Шеллинга, Гегеля и Шопенгауэра, то во всяком случае остается еще открытым вопрос, точно ли этот натуралистический пантеизм порожден влиянием Спинозы, а не какими-нибудь иными, более общими причинами. Весь исторический очерк Вормса написан, можно

⁸ La morale de Spinoza. P. 326—331.

сказать, по школьной методе: сопоставляются отдельные фразы, вырываются из различных книг сходные страницы и затем все это тасуется в одну колоду, собирается под один переплет, на котором крупными буквами надписывается: пантеизм Спинозы. Это истинно ученая метода, годная для университетских аудиторий, достойная аплодисментов и почетных наград, но вовсе не подходящая для серьезного философского трактата. В серьезном философском трактате необходимы неподвижно установленный критерий, строго и критически разработанная теория познания, необходим общий метафизический взгляд на предмет, — и именно всего этого мы не находим в разбираемой книжке.

III

О Спинозе написана огромная литература. Каждый век видит его в освещении своего собственного мирозерцания. Забываются исторические факты, оставляется без внимания та обстановка, при которой впервые прогремело его имя. А между тем в жизни Спинозы есть один факт, который бросает яркий свет на истинный смысл его учения...

В 1656 г. представители Амстердамской синагоги обнародовали против двадцатичетырехлетнего Спинозы торжественное проклятие в следующих словах:

«По произволению ангелов и приговору святых мы отлучаем, отделяем и предаем осуждению и проклятию Баруха д'Эспинозу, с согласия синагогального трибунала и всей святой общины перед священными книгами Торы с шестьюстами тринадцатью предписаниями, в них написанными, — тому проклятию, которым Иисус Навин проклял Иерихон, которое Элиса изрек над отроками и всем тем проклятиям, которые написаны в книге Законов. Да будет он проклят и днем и ночью. Да будет проклят, когда ложится и когда встает. Да будет проклят и при выходе и при входе. Да не простит ему Адонай, да разразятся Его гнев и Его мщение над человеком сим и да тяготят над ним все проклятия, написанные в книге Законов. Да сотрет Адонай имя его под небом и да предаст его злу, отделив от всех колен израилевых со всеми небесными проклятиями, написанными в Книге Законов. Вы же, твердо держащиеся Адоная, вашего Бога, все вы ныне да здравствуете! Предупреждаем вас, что никто не должен говорить с ним ни устно, ни письменно, ни оказывать ему какую-либо услугу, ни проживать с ним под одной кровлей, ни подходить к нему ближе, чем на четыре локтя, ни читать ничего им составленного или написанного».

Когда целый народ идет войной на двадцатичетырехлетнего юношу, то это значит, что колеблются ортодоксальные основы. Спиноза искал высших умственных радостей, вне тех условных форм, которые давало ему еврейство. Разум, желавший свободы, не мог подчиниться тому ярму, которое налагала на него синагога того времени. Старозаветное учение, доведенное до своих последних выводов, с ужасом отпрянуло от того, кто имел смелость допытываться до последней правды на том реалистическом пути, по которому мужественно шли и такие великие умы, как Маймонид и Крескас. Чистый юдаизм торжествовал величайшую победу в лице Спинозы, а близорукие стражи буквы закона безумно топтали свежие побеги нового учения. Незаслуженное проклятие придает всей участи Спинозы какой то особенный, трагически-загадочный характер. Этот философ был костью от костей, плотью от плоти своего народа, и, однако, его учение еще и поныне находится под клеймом отвержения среди правоверного иудейства. Философ, учивший, что знание само себе награда, что любовь к Богу не требует никакого воздаяния — такой философ был, конечно, достоин того племени, которое бесстрашно пронесит свое знамя среди вечно воинствующих против него народов. Спиноза был замечательным философом в истинно величавом

стиле: устареет его метафизическое учение, новые победы отодвинуть в сторону важнейшие части его теоретических рассуждений, но этот великий характер, но эта цельная натура, как превосходный вымысел художника, переживет века и столетия, как никогда не высохнут те вечно живые родники, из которых чистым потоком вылилось все учение Спинозы.

В небольшом предисловии к новооткрытым материалам по философии Спинозы, обнаруженным в 1862 г., Ван Флотен, ярый поклонник и издатель всех сочинений Спинозы, написал несколько характеристических слов. «Это большая ошибка, говорит он уничтожать Спинозу, называя его догматиком до-кантовского времени. Кто проникнет в суть предмета, увидит, что задолго до Гегеля Спиноза достиг той точки зрения, которая установлена только post-гегельянцами и естественнонаучным развитием наших дней». Матвей Арнольд в злых и метких выражениях подчеркнул всю несостоятельность этих похвал Ван Флотена. «Когда Ван Флотен,— говорит он,— делает насильственную параллель между Спинозой и post-гегельянцами, каждый должен почувствовать, что параллель с блаженным Августином была бы куда вернее»⁹. Однако обе параллели неверны. Спиноза всецело принадлежит своему народу, с которым, не смотря на неумолкающие громы синагоги, он связан чистейшими узами духовного родства.

Только воспроизведение исторических условий, в которых создалась философия Спинозы, объяснит нам точно и ясно все ее нравственное значение. Только установив генетическую связь Этики с мирозерцанием юдаизма, мы поймем истинный смысл той моральной доктрины, которую Спиноза имел несчастье опутать схоластическою сетью математически расположенных теорем и положений. Не глазами века надо смотреть на Этику, правильно изучить ее можно только по двум направлениям, теоретически — с критерием Шопенгауэра, исторически — с критерием историко-национальным.

Теория познания¹⁰

I

Сочинение немецких авторов Берендта и Фридендера о Спинозе написано по более верному философскому плану, чем разобранное нами сочинение Вормса: они углубляются в самую суть философской системы Спинозы, раскапывают его теоретическое учение по всем направлениям Этики, собирают в одно целое все, что имеется в этом трактате по вопросу о различных формах и стадиях человеческого познания. Таков, действительно, единственно верный путь для всякого чисто философского исследования. Вскрыть логические основания какой-нибудь системы значит обнаружить ее истинное значение, размер ее возможных влияний на ход философской мысли, те изнутри идущие, одушевляющие токи, которых не может заменить никакое внешнее красноречие, хотя бы оно было направлено на защиту самых возвышенных, гуманных стремлений. От объема человеческого познания или, вернее говоря, от того, где человек сознательно кладет границы своей познавательной деятельности, на чем он сознательно останавливается, не желая и не чувствуя в себе сил идти дальше в своих логических исканиях, — зависит высота нравственного подъема человека, смелость и ясность его практических убеждений. Вся история философии, с древнейших времен и до последних дней, есть прежде всего смена

⁹ Essays in Criticism, vol II (Tauchnitz) Spinoza and the Bible. P. 205.

¹⁰ Spinoza's Erkenntnislehre in ihrer Beziehung zur modernen Naturwissenschaft und Philosophie. Berlin, 1891. La moral de Spinoza, par Rene Worms. 1892.

различных теорий познания. В основании каждой философской системы мы находим определенный теоретический взгляд на логическую природу человека, предопределяющий ее направление в разрешении вопросов метафизических и моральных: духовная жизнь человека представляется мыслителю тем возвышеннее, чем глубже его собственные теоретические представления, чем шире сфера его собственного мирозерцания. Каждый мыслитель идет тем путем, который он видит пред собой в более или менее ярком освещении — темными и сбивчивыми дорогами бессознательного чувства, отдавшись во власть фантазии и произвола, в вопросах науки и морали, может идти только декадентская философия наших дней, с ее риторическим пафосом, с ее аффектированной меланхолией и нервически бессильным стремлением примирить непримиримое, соединить исключаящие друг друга теоретические принципы.

Берендт и Фридлендер направляют, как мы сказали, свое исследование в глубь предмета с целью найти убедительное и решительное доказательство, что именно философия Спинозы должна быть признана лучшей философией в мире. Этика примиряет, по их мнению, реалистические и идеалистические потребности человека. Сенсуалистическая философия Локка, французская материалистическая философия XVIII столетия, материалистическая философия настоящих дней, сдавленная механическим принципом, могли быть выражением одной только стороны человеческой природы. Лейбниц, Кант, Шеллинг, раскрыв своему анализу широкую область нравственных стремлений, совершенно закрыли перед ним необъятный мир механической причинности. Спиноза отводит равное место обоим началам человеческой природы, не смешивая их вместе, а, так сказать, ставя их рядом — параллельно, в соответствии с действительной человеческой жизнью. Этика примиряет естествознание с метафизикой и, следуя Спинозе, мы идем на встречу лучшим требованиям современной науки.

Немецкие авторы сличают главнейшие части Этики с мнениями, установившимися в современном естествознании. Они приводят многочисленные доказательства того, что Спиноза предвосхитил важнейшие взгляды новейшей науки: не только метод Спинозы, но и самое содержание его метафизических воззрений совпадает с главнейшими взглядами современных научных авторитетов. Великая творческая сила ставила Спинозу впереди века и раскрывала перед ним горизонты, чуждые замечательнейшим из его современников. Вся книга немецких авторов, подобно трактату Вормса, есть сплошной дифирамб учению Спинозы и притом на почве, имеющей принципиальное значение. Если теория познания Спинозы не заключает в себе никакого коренного недостатка, то и вся его система — в самом деле — есть лучшее создание человеческого гения. При правильной и верной теории познания недостатки в подробностях и различного рода выводах легко могут быть замечены и устранены. Если логический аппарат Этики составлен с надлежащей философской полнотой, то это замечательное сочинение, без сомнения, лучшее из всех существующих философских произведений — по поразительной ясности стиля, по грандиозности постройки, по силе своих вдохновенных порывов. Если основные принципы Этики верны, то эта небольшая книга прекрасна и возвышенна в полном смысле слова: тут в одной смешанной стихии веют страсти, льется примиряющий свет разума, чувствуется всепокоряющее дыхание огромнейшего человеческого таланта... Если принципы Этики верны.

По учению Спинозы, познание человека имеет три ступени: *imaginatio*, *ratio*, *scientia intuitiva* — познание посредством чувственного восприятия, познание разумом, познание интуитивное. Берендт и Фридлендер прослеживают эти три рода познания с необычайной обстоятельностью. Все выводы Спинозы, все его обобщения на почве

психологии и метафизики они приводят в связь с его учением о познавательной деятельности человека, стараясь при этом доказать ссылками на современные авторитеты, что и эти выводы, и эти обобщения, покоясь на совершеннейшей теории, не страдают никакими недостатками. Если обобщить все логические соображения разбираемого сочинения, то можно было бы сказать, что все учение Спинозы есть как бы одна великолепная теория развивающегося познания — от смутного, ложного, чувственного созерцания до высшего познания вдохновенными восприятием, творческим прозрением, всеохватывающим созерцанием гения. Человек поставлен лицом к лицу с природой: сначала он изучает эту природу сквозь тусклое стекло ощущений, затем он рассматривает ее в ясном, чистом и правдивом зеркале своего разума и, наконец, он постигает ее непосредственно, прямо, поэтически-художественным чутьем философского таланта. Один и тот же объект изучается под тремя различными углами зрения, и объект этот, пройдя через различные ступени понимания, рисуется человеку в различных очертаниях, с различными свойствами. Истина вне нас, и все дело в том, чтобы суметь откопать ее под теми лживыми покровами, которые набрасывают на нее обманчивые внешние чувства: уничтожьте эти краски, которые принимает природа, рассматриваемая сквозь призму субъективных чувств и настроений, и вы найдете то, что действительно реально, что есть правда, научная истина. Высшее познание — то, которое разоблачает природу от всех ее поэтических красот. Основное начало мира, общее всему, что живет, возникает и исчезает — материя, с ее законами покоя и движения, с ее статическими и динамическими свойствами. Это начало открывается разумом. Это основное начало, постигнутое в порыве умственного напряжения, уловленное тончайшим внутренним зрением, раскрывается мыслителю во всей своей бесконечной полноте, как единое державное начало. Человеческое познание беспредельно: темное и мутное в своем источнике, оно разливается постоянно расширяющимся и светлеющим потоком в своем продолжении, чтобы достигнуть всей доступной ему ширины и ясности в понятиях абсолютного и божественного.

Последуем за Берендтом и Фридендером и вникнем в важнейшие теоремы Этики, в которых Спиноза выразил свое учение о познании. Темное, мутное познание внешними чувствами — это область так называемых неадекватных идей. В немногих словах Спиноза очерчивает природу всякого недостоверного познания. Две строки аксиомы на стр. 89 и XVI теорема второй части Этики указывают нам на те смешанные элементы, из которых образовывается не-адекватное представление¹¹. Всякое психическое состояние, вызванное внешним раздражением, включает в себе свойства тела, произведшего раздражение, в смешении со свойствами, принадлежащими человеку, подвергшемуся раздражению. Все внешние представления, говоря языком Спинозы, включают в себе как природу человеческого тела, так и природу тела внешнего. Таков отправной пункт теории познания, разработанной в Этике. Всякое чувственное представление смешано из двух начал — субъективного и объективного, идеального и реального, внутреннего и внешнего. Это основное положение Спинозы авторы разбираемого сочинения провозглашают великим научным открытием, предвосхитившим победы современного естественнонаучного понимания. С определениями, данными в названных частях Этики, Спиноза — по их мнению — становится на почву современных воззрений, достигая тех проблем, которые шаг за шагом разрабатываются в последних произведениях науки. Вместе с светилами положительного знания, Спиноза принимает, что все ощущения природы зависят от реагирующих сил нашего нервного аппарата, от специальных особенностей центрального нервного механизма. Прибавив к приведенным словам Спинозы второй

¹¹ *Benedicti de Spinoza opera, Van Vloten et Land. Volumen prius.*

вывод из указанной XVI теоремы, Берендт и Фридендер с восторгом указывают на поразительное сходство между взглядом Спинозы и взглядом знаменитейшего естествоиспытателя последних десятилетий, Германа фон-Гельмгольца. У Спинозы сказано: идеи, которые мы имеем о внешних телах, более относятся к состояниям нашего тела, чем к природе тел внешних¹². У Гельмгольца сказано следующее: род и способ чувственного восприятия зависит менее от свойств воспринимаемых предметов, чем от свойств воспринимающего внешнего органа. Спиноза говорит: мы ясно понимаем, в чем заключается различие между идеями Петра, составляющими суть его психической жизни, содержание его внутренней деятельности и нашим представлением о душевной жизни Петра. Первые являются отражением физических и физиологических процессов самого Петра и существуют до тех пор, пока существует Петр, тогда как наше представление о Петре может быть выражением только нашего собственного нервно-физиологического состояния. То, что мы думаем о чужой жизни, о нравственных и умственных качествах какого-нибудь человека, имеет не объективную, а субъективную ценность. Объектом наших размышлений, наших суждений служат только наши собственные нервные процессы. Всякая наша идея есть условный знак, условное наименование тех явлений, которые происходят в периферической и центральной нервной системе. Чтоб оставить за словами их обыкновенное значение, говорит Спиноза, мы будем называть идеи, относящиеся к внешним телам, вещами в воображении и, когда душа созерцает какое-нибудь тело, мы будем говорить, что она воображает¹³. У Гельмгольца мы находим следующие сходные соображения: ощущения суть только символы вещей, находящихся вне нас, и соответствуют вещам не больше, чем письменное начертание или произнесенное слово соответствуют тем предметам, к которым они относятся. Они подают нам сигнал об известных свойствах внешнего мира, но сигнал этот на столько же условен по отношению к истинным свойствам этого мира, на сколько условны те представления о цветах, красках, которые можно вызвать в слепорожденном словесным описанием. Наши ощущения суть результаты действия внешней природы на органы восприятия, существенным образом зависящие от свойств и особенностей этих воспринимающих аппаратов. Поскольку они относятся к внешнему миру, они могут быть названы только знаками этого мира, но не его отражениями. От портрета требуется сходство с изображенным лицом, от статуи — сходство форм, от картины — сходство красок. От знака же, от символа никакого сходства с предметом не требуется.

В довольно просторном прибавлении к первой части Этики недостоверность человеческих ощущений и основанных на них суждений поясняется в ряде превосходных примеров. Все наши понятия, проистекающая из первого рода познания — ничто иное, как различные формы воображения, хотя люди непросвещенные смотрят на них, как на существенные атрибуты вещей. Если те или другие зрительные ощущения, вызванные раздражением зрительных нервов, доставляют нам удовольствие, мы говорим, что предметы, произведшие раздражение, красивы. Если раздражены наши вкусовые или обонятельные нервы, мы говорим, что предметы, произведшие раздражение, сладки, горьки, благовонны. Если предметы, вызвавшие определенные зрительные, вкусовые и иные ощущения, раздражают нервы слуховые, мы говорим, что эти предметы шумны, звучны. Все это достаточно показывает, говорит Спиноза, что каждый судит о вещах сообразно с устройством своего собственного мозга (*pro dispositione cerebri*) или, лучше сказать, всякий человек принимает за

¹² Ibid. P. 93.

¹³ Eth. pars II, Propositio XVII, scholium, стр. 95. Porro, ut verba usitata retineamus, corpora humani ailectiones, quarum ideae corpora externa velut nobis praesentia repraesentant, rerum imagines vocabuntur, tametsi rerum figuras non referunt.

реальные вещи различные состояния своего воображения (*imaginationis affectiones*). В самом деле, человеческие тела, при многих своих сходствах, еще в большем различаются друг от друга, и потому то, что одному кажется добром, другому кажется злом, что одному кажется гармоничным, другому — хаотичным, что одному кажется приятным — другому неприятным. Сколько голов, столько умов. В мозгах людей не меньше различия, чем во вкусах. Все те свойства, какие толпа приписывает природе, суть только создания воображения, вовсе не отражающие в себе истинных свойств внешнего мира¹⁴. Субъективные ощущения и суждения не достоверны, не адекватны только по отношению к познаваемым предметам. Они придают действительным предметам несвойственные им очертания и формы, умножают их качества, изменяют их признаки. Сами по себе, как факты сознания, как внутренние психические процессы, они не могут быть подвергнуты никакому сомнению: мир внутренних ощущений со всею полнотой разнообразных красок, со всеми капризными, вечно волнующимися течениями, со всеми приливами и отливами физической энергии, страсти, стоит пред нашими духовными глазами во всей своей непосредственной достоверности. О недостоверности, неадекватности ощущений можно говорить только с того момента, когда сознание, увлеченное непосредственностью иллюзий, начинает проектировать вне себя в пространстве свои собственные, внутренние состояния. Ошибка познания заключается в том, что игра воображения приравнивается к игре механических сил природы, краски фантазии принимаются за краски живой действительности.

Таков смысл нескольких теорем из второй части *Этики*, на которые указывают Берендт и Фридендер. Спиноза опередил свой век настолько, что может быть поставлен рядом с гениальным представителем современной науки — Германом фон-Гельмгольцем — по точности, по глубине, по смелой законченности своих научных представлений. Природа той низшей формы познания, которую Спиноза назвал *imaginatio*, очерчена в духе лучших умственных завоеваний нашего столетия. Критический элемент во второй части *Этики* до такой степени глубок, что уже и без реформ Канта могла зародиться та новая, научно-философская волна, которая неудержимо разлилась по всем отраслям современного знания, расшатав подгнившие столбы материализма, разрушив в корне основные начала философской догматики. Учение о чувственном восприятии, как о первом роде познания, освещает дорогу всем будущим успехам научной критики, открывает перспективу будущих научных побед. Обозначив недостоверный характер всякого чувственного познания, так сказать, развенчав поэзию чувственного созерцания, Спиноза сразу дает понять, в какую сторону направлены его настоящие философские симпатии, в каком направлении рвется его мысль в поисках за научной правдой. Не одно только чувственное восприятие, не одни только суждения, основанные на ощущениях, но и память человеческая, но и все самосознание человека, не вносящее никакого самостоятельного начала в мир непосредственных ощущений и представлений, ведут нас по пути ложного понимания природы, ложных представлений о строе, порядке мироздания и о том месте, которое человек занимает в этом бесконечном храме живого вещества.

Вот какими положениями завершается картина недостоверного познания. Ряд новых идей открывается нам в нескольких теоремах, трактующих об *idea ideae* — о самосознании человека. Это учение Спинозы о самосознании, говорится в разбираемой книге, подобно другим частям *Этики*, до сих пор не получило полного и верного объяснения. Самосознание в *Этике*, не есть абстрактное, бессодержательное сознание собственного я, но есть самосознание со всем богатством сознанных представлений и ощущений. Первоначальное представление или ощущение относится непосредственно к нашему телу, самосознание есть дальнейшая духовная переработка первичных фактов

¹⁴ *Eth. pars. I. Appendix. P. 74.*

душевной жизни. Например, мы ощущаем мускульную силу нашего тела и, ощущая, сознаем наше превосходство над существами с меньшей мышечной крепостью. Мышечное ощущение, вызвав горделивое самочувствие, горделивое самосознание, порождает в нас особенный аффект удовольствия. Посредством самосознания различные ощущения то повышают, то понижают гамму душевной жизни, заливая душу волнами радости или горя. Самодовольство, стыд, раскаяние, все, бури страстей, все терзания самолюбия и то очаровывающие, то разочаровывающие волнения соревнования основаны на деятельности самосознания, а самосознание есть только переработка того недостоверного материала, который доставляется сознанию многочисленными путями внешнего, чувственного восприятия. Самосознание относится к нашим ощущениям и представлениям так же, как эти последние относятся к внешнему миру: переработка ощущений и представлений не дает верного, адекватного незнания наших душевных сил и способностей, не передает настоящих свойств психической организации. Идея души, говорит Спиноза, соединена с душой точно так же, как сама душа соединена с телом¹⁵. Иначе говоря — вершина чувственного познания окутана все тою же мглою, которая заволакивает слабые зачатки первоначального понимания, первоначального опыта. Я настаиваю на том, говорит Спиноза, что во всех тех случаях, когда душа направляется к рассмотрению того или другого предмета причинами внележащими, она имеет не адекватное познание о самой себе, о своем теле и о внешних предметах, но только познание смутное, искаженное.

Итак, вот результат анализа чувственного познания: все внешние восприятия, все суждения, основанные на ощущениях, наша память, наше самосознание держат нас в темной области недостоверного знания. Мы не имеем достоверного знания ни о внешних телах, ни о собственном теле, ни о строе мироздания, ни о строе душевном. Первый род познания — *imaginatio* — не выводит нас из мира личных внутренних состояний, бросая обманчивую тень на природу с ее действительными свойствами и законами. Руководствуясь внешними чувствами, отдаваясь захватывающей работе самосознания, мы создаем вокруг себя атмосферу наивных иллюзий, невежественных предрассудков и горделивых, ни на чем реальном не основанных мечтаний. Из этого темного круга ложного чувственного опыта можно вырваться в живую сферу настоящего научного знания только через посредство разума. Переступив низшую ступень познания, мы вступаем в область точного, адекватного, ясного понимания реальных начал мира, движущих причин всей нашей деятельности, всей вселенной. Мирозерцание, основанное на чувственном опыте, есть только первый проблеск сознательной жизни. Мирозерцание, основанное на разуме, руководимое научным анализом, освобожденное от иллюзий, создаваемых воображением, это полный рассвет сознания, полное раскрытие всех умственных сил человека.

Разберемся в приведенном философском материале.

Идеалистические элементы, указанные немецкими авторами в приведенных цитатах из *Этики*, не выдержаны, не обоснованы ясными и убедительными философскими доводами. Если, по словам разбираемого сочинения, Спиноза колеблет все основания так называемого наивного реализма, то несомненно и то, что, колебля эти основания, он сам впадает в не менее наивный, поверхностно-научный реализм, окончательно поколебленный тем критическим идеализмом, который идет от Канта и Шопенгауэра и который обозначил собою новую эпоху в истории философии. Следуя основной тенденции своего учения, Спиноза ищет реального начала мира вне человека, в природе, в движущих силах материи, в основных свойствах протяженности. Истина, добытая критической философией, разбившая оковы научно-материалистической

¹⁵ Etn. pars II. Propositio 31. Haec mentis idea eodem modi unita est menti ac ipsa Mens unita est corpori. P. 97.

догматики, обращена прежде всего к самому человеку, как к существу мыслящему, сознающему, познающему. Отметив верными штрихами природу чувственного познания, Спиноза останавливает свой анализ на половине дороги: лучшее начало современной философии, понятие, в котором поэзия и философия играют всеми своими лучами, понятие явления — еще не выработано автором Этики и не могло быть выработано среди тех препятствий, которыми была обставлена догматическая философия XVII столетия. Называя некоторые свойства, приписываемые нами материи, иллюзиями воображения, Спиноза не освобождает при этом своей собственной мысли от одной из самых опасных догматических иллюзий, извращающей всякий логический анализ, ошибочно направляющей научное искание — от иллюзии, побуждающей в пределах самого явления искать чего-то реального, истинного, достоверного. По духу всей философии Спинозы — природа истинно реальна, хотя она и представляется нам задрапированную фальшивыми, чувственными покровами. На низшей ступени познания мы считаем призраки воображения за действительность, воспринимаемый нами на поверхности вещества яркие краски за выражение истинных свойств материи. Разум преодолет иллюзии воображения и обнаружит пред нами природу, разоблаченную от всех накидываемых воображением покровов, во всей наготе правды, во всем обаянии истины, Философия должна была совершить несколько решительных завоеваний, чтобы те зачатки идеализма, которые мы находим в таком несовершенном виде в учении Спинозы о чувственном познании, могли окрепнуть и развиться в такую сложную, многостороннюю доктрину, как доктрина Канта и Шопенгауэра. Только дав новую теорию пространства и времени, новое учение о материи и механической причинности, только всесторонне обследовав, так сказать, весь состав познающего субъекта, одним словом — только создавши научно-философское учение о феномене, о призрачном явлении в противоположность ноумену, Кант и Шопенгауэр могли заложить истинные основы и научного, и философского идеализма. Тот идеализм, который мы находим в Этике, сбивчив в своем выражении, непоследователен в своих выводах, бесплоден в своем этическом применении. Отыскивая реальное начало вне человека, в законах пространства, материи, Спиноза не примиряет идеализма с реализмом, как это доказывается в сочинении немецких авторов, а как бы обходит те принципы, на которых только и может быть воздвигнуто истинное учение о человеке, природе, мире. Относительный идеализм Этики, не доведенный до конца, не развернутый в стройную систему, не сделанный средоточием всех философских рассуждений, несколько скомканный и забитый в темную область недостоверного знания — этот наивный идеализм не имеет серьезной научной ценности. Восторги Берендта и Фридендера, подобно восторгам французского писателя, Вормса, обличают неясность философского понимания, негибкую, хотя и обставленную огромным аппаратом ученых сведений, научно-философскую критику. Многочисленные сличения с Гельмгольцем придают всему исследованию наивно-популярный характер, не прибавляя при этом ничего существенного к характеристике метафизических взглядов Спинозы. Критический идеализм — самая светлая, но и самая трудная для усвоения философская доктрина. Он обошел весь мир, проник во все отрасли знания, разрушил множество кумиров, но не проник в самую глубь научного мирозерцания, не стал руководящим светом на всех путях исследования, во всех отраслях живого понимания и нравственного действия. С критическим идеализмом борются неотступные иллюзии чувственного опыта. Мы знаем условность понятий пространства и времени, но не умеем переделать, переработать нашего грубо эмпирического понимания законов материи и причинности. Мы знаем, что луна на горизонте не больше, чем луна в зените, но не умеем преодолеть оптического обмана, в силу которого луна на горизонте кажется нам больше и ярче,

чем луна в зените. Нужна полная реформа всего обыденного мышления, радикальная переделка всех ходячих представлений, чтобы вечная истина философского идеализма, из пустого риторического оборота речи, стала всеобъемлющей правдой науки и жизни. Этика Спинозы только несовершенная ступень к трансцендентальной эстетике Канта, и провозглашать идеализм Спинозы последним словом науки — значит увлекаться словами, не вникая в их истинный смысл, не измерив их настоящей глубины.

Тринадцатая теорема второй части Этики, представляющая в немногих словах как бы свод всего, что есть идеалистического в учении Спинозы, обнаруживает пред нами вместе с тем один из самых слабых пунктов этого учения. В простых и сжатых выражениях Спиноза говорит: объектом идеи, составляющей человеческую душу, является тело, иными словами — известный модус протяжения, существующий в действительности, и ничто более. В этой теореме три важных части: во-первых, в ней говорится, что душа есть ничто иное, как идея тела, во-вторых, что тело или модус протяжения существует в действительности (*actu*) и, в-третьих, что тело и ничто другое есть объект той идеи, которая называется душой. Вторая из указанных частей, как это явствует из всего нами сказанного, грубо догматична. Протяжение, физическое тело существует так, как мы его ощущаем, говорит Спиноза в королларии к XIII теореме. Первая и третья часть обнаруживают такую теорию сознания, которая может быть названа материалистическою в полном смысле этого слова. Душа есть идея тела и только тела. Сознание выполняется, так сказать, теми нервными процессами, которые совершаются в нашем организме. Оно отражает только нашу нервно-физиологическую жизнь. Человек состоит из души и тела, причем душа есть тоже тело под новым углом зрения. На языке современности мысль Спинозы может быть передана затасканно-нелепыми словами, что сознание есть только функция мозга. Функционирует печень и, функционируя, выделяет желчь — функционирует мозг и, функционируя, выделяет мысль. Душа, как выделение мозга, одно из самых ярких выражений научного дилетантства, одно из самых типических проявлений той грубой догматичности, которая держала и держит в плену не только каких-нибудь жалких и ничтожных выучеников эмпиризма, но и людей с огромным подъемом умственных сил, научной фантазии, с блестящим философским талантом. Иронизируя над Декартом, видевшим седалище души в прославленной *glandula pinealis* на поверхности четверохолмия мозга, Спиноза и сам впадает в некоторый философский комизм, говоря, что душа есть идея нашего тела *et nihil aliud...* Третья часть XIII теоремы, дополняя материалистический смысл первой части, имеет еще и самостоятельное значение. Она выражает собою тот субъективный элемент, которым проникнуто чувственное познание. Но слова Спинозы, что объектом идеи, составляющей человеческую душу, является тело и ничто более (*nihil aliud*), в виду неясности выражений, не определяют, так сказать, истинных размеров этого субъективного элемента. Если слова *nihil aliud* исключают всякое другое тело в качестве объекта душевного процесса, если *nihil aliud* означает то же, что *nullum aliud*, тогда вся тринадцатая теорема имеет смысл такого последовательного субъективизма, какого она не может иметь по духу всего философского учения Этики и, кроме того, находится в прямом и очевидном противоречии с теоремой XVI. Если же словами *nihil aliud* Спиноза не хотел выключить из процесса познания предметов, лежащих за пределами человеческого тела, как это явствует из теоремы XVI и как это подобает всему материалистическому складу его учения, то XIII теорема является именно тем местом Этики, где только что возникший субъективизм тут же пресекается, тут же обрывается, пораженный узкою и фальшивою в самом корне натуралистическою доктриною.

В самом деле, XVI теорема расширяет догматический произвол в вопросе о недостоверном и достоверном знании. Вот что говорится в этой теореме: идея всякого

состояния, в которое тело человеческое приводится действием внешних тел, должна заключать в себе как природу человеческого тела, так и природу тела внешнего¹⁶. В двух королляриях к этой теореме Спиноза прибавляет: отсюда следует, во-первых, что душа человеческая воспринимает вместе с природой своего тела и природу многих других тел, и во-вторых, что идеи, которые мы имеем о внешних телах, более относятся к состояниям нашего тела, чем к природе тел внешних¹⁷. Выключив из рассуждения вопрос количественный (более относятся...), хотя, как мы видели, вопрос этот в наивной постановке уцелел и в сочинении такого современного научного светила, как Герман фон Гельмгольц, — нельзя не отметить, что вся XVI теорема с ее двумя королляриями затемняет смысл вышеприведенной XIII теоремы. Самые слова Спинозы, что идеи, которые мы имеем о внешних телах, более относятся к состояниям нашего тела, чем к природе тел внешних, свидетельствуют о сознании, хотя и смутном, существенного противоречия между тринадцатой и шестнадцатой теоремой: Спиноза как бы возвышает первую теорему над второй, не замечая, что мысли, в них заключающиеся, содержат в себе некоторое внутреннее противоречие. В философском учении Спинозы, в докантианскую эпоху — как это выяснено в статье Шопенгауэра об идеальном и реальном — о последовательном идеализме не могло быть и речи. Как учение догматическое, Этика сопротивляется чистому идеализму: уже первые проблески учения об явлении вносят противоречие в эту, на других началах построенную, философскую доктрину.

Наконец, последнее возражение по вопросу о недостоверном знании. В схолии к теореме XXI¹⁸ второй части Этики Спиноза отождествляет самосознание с сознанием, которое в свое время было им отождествлено с человеческим телом. Высказав в теореме, что идея души соединена с душою точно таким же образом, как сама душа соединена с телом, он в схолии прибавляется: идея души и сама душа составляют одну и ту же вещь — идея души и сама душа вытекают с одною и тою же необходимостью из одной и той же способности мышления. Самосознание есть только форма сознания, поскольку сознание рассматривается безотносительно к объекту. К этим словам своим Спиноза, в теореме XXII¹⁹, прибавляет: человеческая душа воспринимает не только состояния тела, но и идеи этих состояний. Рассматриваемая сама по себе, схолия к XXI теореме не заключает в себе ничего противоречивого, но в связи с своей собственной теоремой и в особенности — с теоремой XXII, она заключает в себе мысль неясную, необоснованную и недоказанную. Суть схолии заключается в том, что между сознанием и самосознанием нет никакого реального различия. Сознание, рассматриваемое безотносительно к объекту, и есть самосознание. Идея души и сама душа — одно и то же. Но если это так, то зачем выдвигать в особое положение мысль, что самосознание относится к сознанию так, как сознание относится к телу? И каким образом можно связать то, что говорится в схолии к XXI теореме с тем, что говорится в теореме XXII? Вникая в содержание обеих этих теорем, нельзя не видеть, что, не смотря на заявление схолии, Спиноза, незаметно для самого себя и вопреки общему характеру учения, вводит в свои рассуждения новую психическую силу, новый

¹⁶ Eth. pars II, prop. XVI: Idea enjuscunque modi, quo corpus humanum a corporibus externis afficitur, involvere debet naturam corporis humani et simul naturam corporis externi. (P. 93).

¹⁷ Ibid. Goroll. 1. Hinc sequitur primo, mentem humanam plurimorum corporum naturam una cum sui corporis natura percipere. Goroll. 2. Sequitur secundo, quod ideae, quas corporum externorum habemus, magis nostri corporis constitutionem quam corporum externorum naturam indicant.

¹⁸ Eth. pars II, prop. XXI. Scholium... mentis idea et ipsa mens una eademque est res:... Mentis idea et ipsa mens... eadem necessitate ex eadem cogitandi potentia sequuntur... Idea ideae nihil aliud est quam forma ideae... absque relatione ad objectum... (P. 97—98).

¹⁹ Ibid., prop. XXII: Mens humana non tantum corporis affectiones, sed etiam harum affectionum ideas percipit (P. 98).

душевный элемент, для которого мы не находим никаких материалов во всех предыдущих положениях Этики. Душа воспринимает, т. е., иначе говоря, видит, созерцает свои собственные разнообразные состояния. Если самосознание и сознание — одно и то же, то это значит, что сознание, которое есть ничто иное, как материя, видит само себя: слепой человек видит сам себя, видит каждое свое движение, всякое свое действие. Созерцание собственных душевных состояний есть особый род душевной деятельности, для которого в Этике нет настоящего объяснения. Материалистически построенная теория сознания не может быть нормальным источником для такого тонкого и по существу своему чисто метафизического понятия, как понятие самосознания. Между схолией к теореме XXI и XXII теоремой противоречие несомненное, глубокое и неразрешимое на той почве, на которой построено все учение Спинозы о чувственном познании.

Дойдя до конца первой части своего труда, Берендт и Фридендер бросают несколько незначительных по содержанию, хотя и очень восторженных слов о сходстве между Спинозой и Шопенгауэром. По их мнению, в вопросе о познании внешнего мира, несмотря на некоторые разногласия, оба мыслителя обнаруживают поразительное единодушие. В этой области, говорится на 26 стр., взгляды Спинозы очень близко подходят к взглядам Шопенгауэра. Оба философа учили, что познание совершается через посредство нашего тела, оба признавали субъективность ощущений.

II

Мы вступаем теперь в область адекватного, достоверного знания. Если есть нечто такое, что одинаково свойственно и нашему телу, и внешней природе, то это нечто может быть познано достоверным, адекватным образом. Таков переход от чувственного познания к познанию разума, таково соображение, являющееся логическою ступенью между двумя сферами знания, между двумя областями душевной работы. Это первый луч, который прорвет тьму чувственного опыта и выведение нас на светлую дорогу ясного и отчетливого понимания. Две теоремы II части Этики — теоремы XXXVIII и XXXIX — воплощают этот логический переход от смутного, неадекватного восприятия к ясному и отчетливому знанию. Вот что говорится в этих теоремах: теорема XXXVIII — То, что обще всем вещам и что одинаково находится как в части, так и в целом, может быть воспринимается только адекватно, теорема XXXIX — Идея того, что обще и свойственно человеческому телу и некоторым внешним телам, действию которых человеческое тело обыкновенно подвергается, и что одинаково находится, как в части каждого из этих тел, так и в целом, будет в душе адекватна. В этих двух теоремах Спиноза выражает всю природу адекватного знания. Наше тело и весь внешний мир имеют некоторые общие свойства, и познание этих свойств будет познанием рациональным. Эти общие свойства находятся во всех мельчайших частях внешних предметов, и потому познание, направленное на часть или на целое, раз только оно устремлено именно на общие свойства, будет познанием достоверным, адекватным. В чем же заключаются эти общие свойства? Положение, на которое немецкие авторы делают ссылку (все тела имеют между собою ничто общее)²⁰, снабжено небольшим доказательством, в котором говорится следующее: во-первых, все тела суть проявления одного и того же атрибута, и, во-вторых, все тела могут двигаться, то медленнее, то скорее и, вообще, то двигаться, то покоиться. Все тела различаются между собою, говорит в другом месте Спиноза, по силе движения и по степени, а не по сущности своей (*non ratione substantiae*). Все, что существует, представляет собою известную форму движения материи или, вернее, известную форму

²⁰ См. *Eth. pars II. P. 88*, лемма II: *Omnia corpora in quibusdam conveniunt*.

движения элементарных частей материи, и потому рациональным знанием может быть только то знание, которое объясняет всякое явление, всякий предмет природы, всякое душевное состояние механическими законами движения, физическими свойствами природы. Все наши ощущения мы только тогда познаем адекватным образом, когда мы представляем их себе результатами известных движений материи, определенных физических и физиологических процессов. Следуя за Спинозой, немецкие авторы приписывают рациональному знанию два важных признака. Один признак указан в теореме XXXVII и выражен в следующих словах: то, что обще всем вещам и что одинаково находится как в части, так и в целом, не составляет сущности никакой единичной вещи. Этот признак указывает, так сказать, на математический характер всех рациональных истин. Они не относятся ни к какой частной вещи, но ко всем вещам без исключения. Чувственное восприятие имеет дело с единичными предметами, *imaginatio* есть фальшивое отражение отдельных явлений природы, весь первый род познания держит нас в узком, замкнутом кругу частичного опыта — разум дает нам знание общих законов природы, научную схему, в которой обобщены уже все частности опыта и дано объяснение бесконечному ряду событий. Рациональное знание есть система общих понятий (*notionum communium*), система статических и динамических законов материи. Второй признак рационального знания немецкие авторы — отчасти следуя за Спинозой, отчасти развивая дальше некоторые его мысли — выясняют таким образом: говоря в теореме XXXVII, как мы видели выше, что общее всем вещам не составляет сущности никакой единичной вещи, Спиноза хотел непременно сказать, что разум, познающий именно только то, что обще всем вещам в природе, не может быть орудием познания сущности вообще. Это подтверждается, по словам Верендта и Фридендера, двумя ссылками на Этику — тем определением, которое Спиноза дает интуитивному знанию во второй схолии к теореме XI второй части Этики и тем различием, которое Спиноза делает между рациональным познанием и интуитивным в схолии к XXXVI теореме 5-й части. Второй род познания дает нам понимание общих свойств природы, но не сущности отдельных вещей, которая доступна только интуиции. Мы можем знать все те механические условия, при которых возникает то или другое ощущение, мы можем знать, сколько сотрясений эфира должно совершиться в одну секунду, чтобы вибрация зрительного нерва породила известное цветовое ощущение, мы можем точно и достоверно знать, при каких физических и физиологических условиях в нас возникает то или другое слуховое ощущение, но это еще не значит, что, зная все это, мы уже постигли природу самого ощущения. Физические условия происхождения ощущения нельзя отождествлять с сущностью ощущения²¹.

Итак, вот какова природа достоверного знания: оно есть знание статических и динамических законов материи, оно есть система понятий, общих всем людям, оно есть знание свойств, но не сущности отдельных вещей. Таково содержание адекватных идей. Остается еще сказать, какими методами достоверное знание добывается. Основываясь на двух-трех строках Этики и на одном § трактата *De intellectus Emendatione*, немецкие авторы распространяются о научных приемах мышления Спинозы. Оказывается, что и в вопросе о научных методах Спиноза упредил течение вещей и еще за два века до возникновения современной эмпирической психологии сумел оценить великое значение наблюдения и эксперимента в деле достоверного знания. Спиноза хорошо понимал различие между индифферентным, пассивным восприятием отдельных явлений в обыкновенном порядке природы и восприятием, сознательно и намеренно направляемым на известный предмет изучения, между обыденным, смутным, чувственным познанием и познанием, обставленным

²¹ Spinoza's Erkenntnislehre. S. 63.

необходимым научным аппаратом, всеми средствами строгого анализа и научного контроля. Второй род познания, вырывая человека из области чувственных иллюзий, дает ему в руки все те орудия, которые необходимы для правильной умственной работы.

Эти немногие рассуждения немецких авторов, относящиеся ко второму роду познания, с несколько вольным изложением Этики, приспособительно к современным взглядам европейских ученых, страдают существенными недостатками. Во всей системе Спинозы мы не находим никаких данных, которые объяснили бы нам необходимость внесения в сознание такого элемента, как разум. Корни рационального знания нигде в ней не обнаружены. В сферу сознания введена новая сила — неведомо, каким логическим путем, неведомо откуда. Между первым и вторым родом познания, между областью чувственных восприятий и областью рассудка, остается пропасть, ничем не наполненная: между *imaginatio* и *ratio* нет перехода, нет посредствующего звена. Сознание разбито на две части, причем не указано, что можем эти части объединить.

Но это общее возрождение на почве эмпирической психологии должно быть дополнено возражением, основанным на коренных положениях метафизической системы самого Спинозы. Если между сознанием и разумом в постановке Спинозы нет никакого перехода в эмпирическом смысле, то с другой стороны между ними не может быть никакой существенной разницы в смысле метафизическом, никакой разницы, которая объяснила бы, почему рассудочное познание, в противоположность чувственному, должно быть непременно познанием достоверным, ясным и отчетливым. По духу системы, человека можно представлять себе либо под атрибутом материи, протяжения, либо под атрибутом мышления. В первом случае весь человек превращается в совокупность одних только материальных сил, во втором случае — в совокупность сил разумных, духовных. Под атрибутом мышления между сознанием и рассудком нет и не может быть никакой разницы. Как модус атрибута мышления человек разумен во всем своем составе — человек есть просто разумная единица, нераздельная, целостная, ни в чем не расчлененная. Отделив рассудок от сознания, Спиноза подрывает значение своих общих философских теорем, собственное свое учение об атрибутах субстанции. С точки зрения общепhilософской критики и с точки зрения последовательного натурализма, все учение об адекватном познании, в отличие от неадекватного, представляется именно тем пунктом, в котором Спиноза смешал элементы идеализма с элементами догматического материализма, не развивши до конца одних и не оставившись верным другим. Противоречие между учениями о чувственном познании и познании рассудочном разрешить в пределах самой Этики, не тронув при этом ее главных теорем, нет никакой возможности. Противоречие это может быть разрешено только на совершенно другой почве, при совершенно других исходных пунктах.

Берендт и Фриндлендер упускают из виду, что и факты, добытые рациональным познанием, вовсе не отличаются тою достоверностью, которую приписывает им Спиноза, в противоположность фактам чувственного опыта. Выйдя из системы Спинозы и вставши на точку зрения настоящего критического идеализма Канта и Шопенгауэра, нельзя не понять, что представление материи, с ее статическими и динамическими законами, имеет исключительно эмпирическое значение. Все признаки, которые образуют представление материи добываются чувственным путем и потому, говоря словами Спинозы, должны быть отнесены в область неадекватного знания. Материя, говорит Шопенгауэр, существуем только по отношению к нашему разуму: разум ее условие, разум ее носитель. Принимая кантовское положение об идеальности пространства и времени, Шопенгауэр с последовательностью, достойною великого

мыслителя, относит всю материю со всеми ее свойствами и законами к области того мира, который он называет миром представлений. Материя есть наименование феноменального мира и о существовании материи можно говорить только с точки зрения человеческого рассудка. Двух действительных миров не существует, но если на единственно существующий мир нравственной воли смотреть под ложным углом зрения, сквозь обманчивую призму пространства и времени, сквозь дымку миража, то этот единственно существующий реальный мир придется назвать миром материи. В сфере реального материи нет: метафизически-реальное существо человека — невидимое, ни в каких формах материи невоплотимое, духовное, мифическое начало²². Но эта светлая теория Шопенгауэра не была доступна на той стадии философского развития, на которой находится учение Спинозы. Догматичное в своих началах, оно должно было остаться при той грубой и ложной точке зрения, которую мы находим в Этике. Случайные черты субъективизма, отмеченные на предыдущих страницах, не могли развиваться в цельную идеалистическую доктрину в системе, которая не вышла еще из под власти схоластических приемов мысли, и несмотря на весь свой обаятельный философский рисунок, содержанием своим не представляет всех данных, необходимых для правильной и исчерпывающей теории материи.

Общий недостаток философского учения Спинозы — догматичность, произвольность постройки, смешение материализма с случайным субъективизмом — дает себя чувствовать в каждом частном теоретическом вопросе, всякий раз, когда перед глазами философа встают важнейшие вопросы человеческого духа. Анализ чувственного познания, зародившись в двух-трех счастливых положениях, не привел ни к какому важному философскому выводу: в мертвящем источнике догматизма не могли не погибнуть те свежие жизненные задатки, которые с такими приветственными возгласами подбирают и слагают вместе авторы разбираемого сочинения...

А великие заслуги Спинозы по вопросу о значении наблюдения и эксперимента? А замечательное сходство во взглядах между Спинозой и современными научными светилами?... Философская критика Германии, забыв предания Канта и Шопенгауэра, стала путаться в важнейших научных и метафизических понятиях.

III

Нам остается рассмотреть еще только последний, третий род познания — познание интуитивное. В разбираемом сочинении, как мы имели уже случай сказать, этому роду познания придано слишком широкое значение, присвоен такой характер, какого он в действительности в системе Спинозы вовсе не имеет. Большая часть книги посвящена интуитивному знанию: авторы иллюстрируют свои соображения массой примеров из различных областей человеческой деятельности — умственной, литературной, художественной — в полной уверенности, что таким образом можно укрепить простую мысль Спинозы на надлежащей научной почве. На самом деле однако и эта часть работы, подобно двум предшествующим, не включает в себе, значительного философского содержания. В ней нет не только настоящей критической оценки взглядов Спинозы по настоящему вопросу, но даже и правильного понимания тех сравнительно немногих мест, которые относятся к данному предмету в Этике и в Кратком трактате о Боге. Вот в самом сжатом виде все то существенное, что можно извлечь из пространных рассуждений Берендта и Фридендера о третьем роде познания.

²² Ср. Welt als Wille und Vorstellung, herausgegeben von. Julius Fraunstaedt, Zweite Auflage, 1888. I. S. 13, 160 и др.

Три теоремы из второй и пятой части *Этики* указывают нам истинное происхождение интуитивного знания. В этих теоремах говорится: только первый род познания включает в себе ложность, познание же второго и третьего рода включает себе истину — вот почему стремление или желание познавать вещи по третьему способу не может возникнуть из первого рода познания, но возникает исключительно из второго²³. Метод интуитивного знания есть метод поэтического или артистического творчества. Это не метод в подлинном смысле слова: нельзя указать того способа, которым люди таланта и гения схватывают в одном живом представлении целый ряд явлений, постигают одним бессознательным порывом, *uno intuito*, величайшие законы природы или человеческой жизни. Внутренним взглядом, инстинктом художника, живой и творческий ум, так сказать, перенесшись через длинную цепь логических умозаключений, непосредственно становится лицом к лицу с истиной. Коперник, Кеплер, Галилей совершили свои знаменитые открытия в астрономии и механике именно такими гениальными скачками от немногих, по-видимому, фактов к высочайшим обобщениям. Метод рационального знания — естественнонаучный или математический анализ, метод интуитивного — духовное созерцание, бессознательное проникновение в глубь вещей, в сокровенные начала всякой жизни. Рассудок действует аналитически, медленным и кропотливым расчленением предмета на его составные элементы, интуиция познает природу посредством смелого синтеза, одним творческим актом.

Таково отличие интуитивного знания от рационального в отношении метода действия. Но отличие по отношению к объекту имеет еще более важное значение. Мы уже видели, что рациональное знание имеет дело только с общими свойствами природы. Оно не касается сущности вещей и вообще не есть знание каких бы то ни было частных предметов. *Scientia intuitiva*, по толкованию авторов разбираемого сочинения, направлена именно на сущность вещей. Сделав несколько ссылок на различные части *Этики*, Верендт и Фридендер говорят: сущность человека, как и сущность всей природы, есть воля, стремление к самосохранению, желание жить — одинаково принадлежащее как низшим, так и высшим тварям, как неорганическому, так и органическому миру. У Спинозы сказано: всякая вещь, поскольку она существует сама в себе, стремится пребывать в своем существовании. Далее у него говорится: хотя каждая отдельная вещь определяется к известного рода существованию другою вещью, однако сила, с которой каждая из них пребывает в своем существовании, вытекает из вечной необходимости божественной природы. Стремление человека пребывать в своем существовании, если оно относится к одной душе, называется волей (*voluntas*), если же оно относится и к душе, и к телу, называется влечением (*appetitus*), которое есть ничто иное, как самая сущность человека. Между влечением и желанием (*cupiditas*), продолжает Спиноза, существует только то различие, что слово желание большею частью относится к людям тогда, когда они сознают свое влечение: желание есть влечение с сознанием его²⁴. Приведши эти и некоторые другие незначительные места, Берендт и Фридендер заявляют: итак мы видим, что Спиноза под сущностью человека и животного понимает желание, инстинкт самосохранения, принадлежащий представителям всех царств природы²⁵. Эта безусловная сущность природы и человека познается только интуитивным путем. Рациональное знание дает нам понимание общих

²³ Elh. pars. II, prop. XLI: *Cognitio primi generis unica est falsitatis causa, secundi autem et tertii est necessario vera. Prop. XLII: Secundi et tertii et non primi generis cognitio docet nos verum a falso distinguere. Pars V Prop. XXVIII: conatus seu cupiditas cognoscendi res tertio cognitionis genere oriri non potest ex primo at quidem ex secundo cognitionis genere.*

²⁴ См. Eth. pars III, prop. VI, *ibid*, pars II, prop. XLV scholium, *ibid*, pars III, prop. IX scholium: ...*Cupiditas est appetitus cum ejusdem conscientia* (стр. 133).

²⁵ Spinoza's Erkenntnislehre. S. 69.

свойств природы, интуитивное — открывает пред нами безусловную сущность каждого отдельного предмета, живого и неживого вещества. Учение о воле, как, о вечном стремлении к самосохранению, сближает Спинозу с Шопенгауэром — говорится на множество ладов в немецком сочинении. В этих размышлениях немецких авторов основательна только первая половина. Действительно, источник интуитивного знания есть *ratio*, характер интуитивного знания — характер достоверный, адекватный. Оба эти признака интуиции извлечены из Этики и Краткого трактата о Боге и истолкованы в духе приведенных текстов. Тут, впрочем, не могло быть никаких сомнений: мысль Спинозы выражена с такою простотою, с такою ясностью, какая только возможна в вопросах отвлеченных, чисто философских. Но то, что говорится авторами об объекте интуитивного познания — о сущности вещей, о значении понятия *cupiditas*, о сходстве воззрений Спинозы с воззрениями Шопенгауэра, — противоречит не только общему духу Этики, но и ее буквальному смыслу. *Scientia intuitiva* не прибавляет ни одной новой черты к тем общим понятиям, на которых построена система Спинозы. Начав рядом произвольно и догматически поставленных положений о Боге, субстанции и атрибутах, Спиноза заканчивает свою постройку учением о высшем роде познания — о познании, ведущем (как говорится во 2-й схолии к XL теореме II ч. Этики) от идеи какого либо атрибута к адекватному познанию сущности вещей. Мыслить каждую отдельную вещь в атрибутах Божества значит познавать ее высшим, третьим родом познания. Интуиция соединяет конечное с бесконечным или, вернее, стремится перелететь через пропасть между конечным и бесконечным на крыльях вдохновения. Но догматический характер первых теорем Этики предначертывает даже и для творческого вдохновения очень узкие рамки: интуиция не должна выйти из тех достоверных областей знания, из того обще-механического мирозерцания, которое добыто такими тяжелыми усилиями на трудном пути рационального изучения. Она может слить в одно выражение все рациональные факты, может обозреть одним вдохновенным взглядом весь бесконечный ряд обследованных явлений, но вырваться из мира механической причинности, но проникнуть в мистическую тайну мироздания она не может. Нет ничего, кроме природы, нет никаких сверхчувственных основ мира, и интуитивное знание есть не больше, как высший род достоверного опыта, высшее эмпирическое обобщение. Истинно религиозного элемента *scientia intuitiva* в систему Спинозы не вносит. Понятия о свободной воле и бессмертии чужды духу основных начал натуралистического пантеизма: они возможны только на почвенной теории познания, иного — последовательно идеалистического мирозерцания.

Это значит, что интуитивное понимание, подобно рациональному, не продукта фантазии, не совокупность произвольных и ни на чем не основанных гипотез, а знание научно достоверное, адекватное. Это значит, кроме того, что источник интуитивного знания — не какой-нибудь неведомый и еще необследованный источник, а именно тот разум, который дает нам первые адекватные идеи, который дает нам ряд общих, всем людям свойственных понятий о законах материи. Одним словом, и происхождение и научное значение интуитивного знания могут быть поняты только в связи с точным и верным представлением о второй ступени познания, о функциях человеческого разума. Интуитивное знание — естественное продолжение знания рационального, последнее слово мыслительного таланта. Но имея то же научное значение, что и рациональное знание, *scientia intuitiva* имеет свой особенный метод и особый объект и потому должна занять самостоятельное место в разработанной классификации человеческого знания.

Не взвесив истинного смысла учения Спинозы об интуитивном познании, немецкие авторы ошибочно истолковали и учение о сущности вещей — об этом единственном объекте интуиции. В только что указанной схолии природа интуитивного процесса обозначена в резких и ясных словах: третий род познания ведет

от адекватной идеи формальной сущности каких-либо атрибутов Божества к адекватному познанию сущности вещей. Это значит: формальная идея материи или мышления есть отправной пункт для высшего рода познания. Видеть в каждой частной вещи проявление общих законов материи или мышления значит видеть ее истинную сущность. Сущность человека, смотря по тому, под каким углом зрения мы на него смотрим — либо материя, либо разум, и все цитаты из Спинозы, гласящие, что всякое существо необходимым образом стремится к самосохранению, означают, в пределах данной системы, только то, что всякое существо, поскольку оно есть проявление Божества, имеет вечное, непреходящее бытие. Видеть в человеке иную сущность, кроме материи или мышления, значит противоречить важнейшим принципам материалистической доктрины²⁶. Напрасно Берендт и Фридендер стремятся доказать, что сущность вещей есть желание — *cupiditas*, что Спиноза проводил различие между желанием и волей, выделяя желание в особую, самостоятельную психическую способность, действующую бессознательно, безусловно в качестве основной силы бытия. В Этике и в одной небольшой главке Краткого трактата о Боге мы находим полное опровержение этого мнения. Желание, воля, разум представляют только различные проявления одного и того же развивающегося в человеке логического процесса. В Этике прямо говорится: в душе нет никакой абсолютной способности разума, желания, любви и т. д. Эти и другие подобные способности или совершенно вымышлены, или составляют только абстрактные понятия, полученные путем обобщения отдельных актов желания, понимания, любви²⁷. То же самое мы находим и в XVII главе 2 части Краткого трактата о Боге. Отношение между волей, желанием и влечением выражено здесь в том же духе, как и в схолии к IX теореме 3-ей части Этики. Воля — ничто иное, как отдельный волевой акт, вызванный той или другой идеей. Желание — не что иное, как отдельное, частное влечение²⁸. Прямой смысл всех этих слов не дает никакого права считать желание за особую психическую силу, отличную от разума, не говоря уже о том, что, внезапно появившись в психологии Спинозы, эта сила внесла бы в нее совершенно новое метафизическое начало — не материальное и не разумное. Согласившись с немецкими авторами, пришлось бы выделить желание в какой-то новый атрибут Божества, о котором, однако, в Этике не говорится ни единого слова. Согласившись с ними, пришлось бы смешать эмпирическое представление о воле — почти такое же, какое господствует, в современной экспериментальной психологии Вундта, Бена и Спенсера — с чисто мистическим, трансцендентным понятием воли, которое господствует в системах Канта и Шопенгауэра...

Итак, мы видим, что Берендт и Фридендер не разобрались и в вопросе о третьем, высшем роде познания. Предмет интуиции указан ложно, не согласно с коренными определениями и теоремами Этики. Самая мысль внести в систему Спинозы абсолютное начало желания, в качестве сущности природы и человека, обличает совершенно превратное понимание разбираемой доктрины. Между Спинозой и Шопенгауэром разделяющим хребтом высятся философия Канта с ее гениальным учением об идеальности пространства и времени, об эмпирическом и мистическом характере, с ее теорией свободной нравственной воли. В Спинозе нет ни одной черты

²⁶ См. между прочим Spinoza, by John Caird, chapter XVI: «Immortality and the blessed life».

²⁷ См. Eth., pars II, prop. XLVIII scholium. P. 116.

²⁸ См. Traetatus brevia de Deo et homine ejusque valetudine, caput XVII part II. De disctimine inter voluntatem et cupiditatem... Quamobrem, uti de voluntate trac-tantes diximus, voluntatem nil aliud esse nisi hanc illamque volitionem ab hae illaque idea causatam; ita et cupiditas in eo non est praeter hunc illumve particularem appetitum... Cupiditas igitur, generaliter sumta, dum nihil aliud sit nisi ab hoc illove appetito abtracta, negue praeterea in natura realiter existens, nihil etiam, tanquam atle, eausare potest — Supplementum 1862. P. 172, 174.

принципиального сходства с Шопенгауэром, и ее не могло быть потому, что вся философия до Канта, ослепленная догматикой, не могла подняться до понимания различия между миром фантазмагорий, миражей и миром истинно реальным, разумным, вечным.

А Берендт и Фридендер всеми силами стараются вытянуть учение Спинозы на одну высоту с учением Канта и Шопенгауэра. Неважно коренное разногласие, неважно различие мирозерцаний — посмотрите, сколько сходных фраз, сколько замечательных совпадений. Такова современная немецкая философская критика, вооруженная сочинениями Гельмгольца и Дюбуа-Раймона...

IV

Таковы те теоретические начала, на которых развилось все учение Спинозы. Таковы важнейшие недостатки теории познания, изложенной в Этике во всей ее полноте. Это тот фундамент, те камни, к которым — во всем величии, глядя в вечность — прикреплены эти удивительно оригинальная, самобытная философская постройка. Этот фундамент, эти основные принципы не прочны сами по себе, но то, что выведено над ними рукою философа, поражает своими величавыми линиями, своими возвышенными настроениями, своей истинно-поэтической красотой. На системе Спинозы ярким пятном пролита реалистическая тенденция его национальности: смесь картезианства с натурализмом, рационализма с библейскою теологией, учение Этики производит впечатление всеобъемлющей системы — именно такой системы, которая дает равноправное удовлетворение всем сторонам человеческой природы, всем потребностям человеческой жизни. Созерцая систему Спинозы извне, можно подумать, что это в самом деле величайшее создание философской мудрости: конечное и бесконечное, человек и природа, материя и сознание, причинность и свобода — все здесь собрано вместе в одну возвышенную симфонию, в одно строго выдержанное по настроению философское учение. Сочинение Берендта и Фридендера написано в патетическом стиле именно в виду всеобъемлющих качеств доктрины Спинозы. В действительности, однако, эта доктрина лишена именно тех достоинств, какие ей приписываются названными писателями. Следуя за английским комментатором Спинозы, Поллоком²⁹, Вормс не подверг надлежащему детальному анализу теоретические основы Этики и потому неудивительно, что он не разобрался в основных принципах морали Спинозы. Но Берендт и Фридендер пошли по надлежащему пути: они поставили впереди всего учения теорию познания, рассмотрели все три стадии познавательного процесса, изучили в подробностях, призвав на помощь современную науку, внутренние основы всей системы, и потому совершенно непонятно, каким образом эти авторы могли не заметить, что вся эта система раздирается пополам коренным, внутренним противоречием, разрушающим иллюзию единства и дальности всей философской постройки. Почти все писавшие о Спинозе знают, что его учение не вылилось из одного принципа. Его философия, говорит Кэрд, не есть вполне однородный продукт — она, скорее, сложный результат противоречащих тенденций (*of conflicting tendencies*), из которых ни одна не доведена до своих последних логических заключений. Если задача философии — найти такую точку зрения, которая примиряла бы единое с множеством, мир с индивидуумом, бесконечное с конечным, то мы напрасно стали бы искать в философии Спинозы состоятельного разрешения этой задачи³⁰. Философия Спинозы, говорит другой замечательный мыслитель, Эдуард Эрдманн, не едина и не вышла из единого начала, и это отсутствие единства в системе придает ей

²⁹ Spinoza, his life and philosophy 1880.

³⁰ Spinoza, introduction, 3—4.

характер какой-то безжизненной системы, приводит ее к важным противоречиям в ее собственных пределах³¹. То же отсутствие внутреннего единства отмечено и в первом томе, истории новой философии Куно Фишера. В системе Спинозы, говорит этот известный ученый, бросается в глаза различие между первыми и последними положениями ее — между учением о субстанции и учением об интеллектуальной любви к Богу. В этой системе, если подвергнуть ее критическому испытанию, гармония понятий переходит в диссонанс, и становится очевидным противоречие между первыми положениями Этики и последними. Куно Фишер считает не важными все возражения, которые можно сделать Спинозе с точки зрения потребностей человеческой души. Положим, говорит он, что философия Спинозы не удовлетворяет человеческой души, что человек естественным образом жаждет другой истины, другого познания, другого мирового порядка, чем тот, какой представляет ему философия Спинозы. Но что значат душевные потребности перед доказательствами? Что могут сделать чувства против оснований? Я очень хорошо понимаю психологические основания, из которых произошли различные взгляды, враждующие с учением Спинозы. Но дело в том, что никакая философская система не может быть насыщенным выражением всей человеческой природы. Логический ум, даже при полной ясности, не есть исчерпывающее выражение всего человеческого знания. Логическая постройка не есть постройка мира.

Все эти авторы, как и многие другие, сходятся, следовательно, в том, что внутреннего единства в системе Спинозы нет. В предельных гранях самой Этики есть коренные метафизические противоречия, которые превосходно подчеркиваются и Кэрдом, и Эрдманом и Куно Фишером. Однако мы думаем, что метод критики у трех названных авторов неправильный — в особенности у Куно Фишера. Указывать противоречия, не указав их источника, значит производить чисто формальную работу. Учение Спинозы останется тем же учением, если отсечь от него все последние теоремы Этики. Противоречия Спинозы — в глубине его учения, в его доктрине познания, в его теории недостоверного и достоверного знания, в его теоремах об интуитивном созерцании. Здесь источник всех заблуждений философа, здесь все те недостатки, которые колеблют все это великолепное здание. Смесь узкого субъективизма Декарта с догматическим реализмом, так сказать, ветхозаветных преданий — все учение о чувственном, рациональном и интуитивном познании должно быть признано в настоящее время превзойденною философскою ступенью, имеющею все исторические оправдания и ни одного оправдания чисто научного. Два течения борются в сознании Спинозы: одно — сильное своими преданиями, видимой популярностью, своею доступностью, другое — слабое, робкое, только что зародившееся, еще не испытывшее своих сил в решительной схватке с неподвижною косностью прославленных традиций, с деспотической рутинной схоластических предрассудков. Элементы субъективизма лежат какими-то бездеятельными силами в глубине философского учения Спинозы. Пройдет еще один только век, и туман догматики рассеется как дым: Кант вдохнет жизнь в те отрывочные субъективные положения, которые мы находим у Декарта и Спинозы, и создаст новую теорию познания, действительно примиряющую то, что не могло быть примирено в докритическую эпоху.

³¹ Versuch einer wissenschaftlichen Darstellung der Geschichte der neuern Philosophie, Ersten Bandes Zweite Abtheilung 1836. S. 84.